

ТИЛЛИ КОУЛ

*Моя мелодия станет твоей.
А я – твоим светом...*

МЕЧТА
ДЛЯ
НАС

18+

Тилли Коул

Мечта для нас

Серия «Freedom. Любовь до мурашек. Бестселлеры Тилли Коул»
Серия «Young Adult. Бестселлеры романтической прозы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42006139

Т. Коул. Мечта для нас: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва; 2019

ISBN 978-5-04-100178-0

Аннотация

Он – звезда электронной музыки. Грубиян и прожигатель жизни. Она – идеальная девушка и та, кто меньше всего ему подходит. Кромвель и Бонни не могли представить, как случайная встреча изменит их судьбы. Бонни заставит Кромвеля поверить в себя, несмотря на то что парень давно махнул на себя рукой. Кромвель будет рядом с ней в самые трудные моменты жизни. Но у каждого из них есть свои мрачные тайны, способные разрушить зарождающееся чувство. Успеют ли они сделать самый важный шаг, ведь времени отпущено так мало...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	28
Глава 4	45
Глава 5	54
Глава 6	62
Глава 7	78
Глава 8	94
Глава 9	111
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Тилли Коул

Мечта для нас

Tillie Cole

A Wish For Us

© 2018 by Tillie Cole

© Ефимова Е., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

*Роману, который заставляет мое сердце
биться.*

*Музыка дает душу вселенной, крылья разуму,
полет воображению и жизнь всему.*

Платон

Глава 1

Кромвель

Брайтон, Англия

Клуб, точно единый организм, пульсировал в такт каждому моему движению. Вскинутые руки, раскачивающиеся в диком ритме бедра, широко распахнутые глаза, бессмысленные взгляды – музыка вливалась в уши толпы ревушим потоком, контролируя каждое ее движение. Воздух стал тяжелым и вязким, одежда липла к взмокшим телам: ради возможности послушать меня в клуб набились огромная толпа.

Я смотрел, как цветные прожекторы скользят по морю танцующих тел, наблюдал, как люди растворяются в звуке. Кем были все они днем – студентами, копами, сотрудниками call-центров? – Какая, к черту, разница. Прямо сейчас, в этом клубе, они – рабы моих ритмов. В данный момент вся их жизнь заключается в моей музыке. Сейчас лишь это имеет для них значение, и они в экстазе запрокидывали головы и плыли по волнам нирваны, в которую погрузил их я, тот, кто стоял на сцене.

Зато меня чувства не касались, разве что оцепенение, подаренное плескавшимся у меня в животе алкоголем.

Кто-то обнял меня за талию. Горячее дыхание обожгло ухо, и пухлые губы впились в шею. В последний раз пробе-

жав пальцами по кнопкам, я схватил бутылку «Джек Дэниелс», что стояла рядом, и сделал большой глоток прямо из горлышка. Потом, даже не глядя, с размаху поставил виски обратно на сцену и снова потянулся к ноутбуку, чтобы замиксовать следующую композицию. Пальцы с острыми ноготками зарылись мне в волосы, потянули за черные пряди. Я стучал по клавишам, приглушая музыку, замедляя ритм.

Дыхание мое стало тише, а толпа замерла в ожидании, приготовилась к прыжку – я уверенно заставлял ее двигаться медленнее, подводил к кульминации – впереди нас ждет гигантская волна ударных, безумная смесь звуков, которую я приготовил. Оторвав взгляд от экрана ноутбука, я оглядел толпу и усмехнулся при виде застывших в ожидании лиц. Полет над пропастью... ожидание...

Сейчас.

Прижав наушники к левому уху, я резко ударил по кнопкам, и на танцпол накатило, обрушился громopodobный вал электронной музыки. В воздухе сверкнули неоновые вспышки; у меня перед глазами запрыгали зеленые, синие и красные пятна, они накрыли все лица подобно неоновым щитам.

Руки крепче обхватили мою талию, но я не обратил на это никакого внимания. Снова потянулся к бутылке «Джек Дэниелс», потому что она прямо-таки выкрикивала мое имя. После очередного глотка напряженные мышцы стали расслабляться, руки танцевали над клавиатурой ноутбука и микшером.

Я поднял глаза, дабы удостовериться, что толпа по-прежнему принадлежит мне.

Так оно и было.

Мое внимание привлекла девушка, стоявшая в центре зала. Собранные в хвост, длинные каштановые волосы, фиолетовое платье с высоким воротником – надо же было так одеться для похода в клуб. В отличие от остальных на танц-поле, ее окружали не яркие цвета, а бледно-розовый и лавандовый. Спокойные, безоблачные. Когда я ее заметил, мои брови сами собой нахмурились. Глаза девушки были закрыты, но она не двигалась, просто оставалась на месте, и из-за этого казалась бесконечно далекой от окружавшей ее толпы. Она стояла, слегка вздернув подбородок, ее лицо казалось предельно сосредоточенным, будто она внимательно прислушивалась к каждому звуку.

Я ускорил ритм, чтобы посильнее раскачать толпу, но девушка не шевельнулась. Ну, надо же. Обычно я мог завести всех и каждого, легко управлял настроением посетителей клуба, контролировал каждое их движение. Так опытный кукловод дергает за ниточки, и марионетки ему послушны.

Очередной глоток виски обжег мне горло. Следующие пять треков девица по-прежнему стояла на месте, как статуя; мои забористые ритмы оставляли ее совершенно безучастной. Ни улыбки, ни эйфории, только... глаза закрыты, и на лице это сосредоточенное выражение, будь оно неладно.

Розовый и лавандовый цвета так и обволакивали ее сияющим ореолом.

— Кромвель, — проворковала на ухо повисшая на мне блондинка.

Ее пальцы приподняли край моей футболки, нащупали ремень и скользнули за пояс джинсов, царапая кожу длинными ногтями.

Однако я все смотрел на девушку в фиолетовом платье.

Каштановые волосы у нее на висках уже завивались колечками от пота — виновата царившая в клубе жарыща. Блондинка, совершенно не стесняясь того, что мы на виду у всего клуба, вцепилась мне в ширинку. Запустив следующий микс, я перехватил ее руку, отбросил от себя и застегнул брюки. Красотка, решив так просто не сдаваться, немедленно запустила пальцы мне в волосы. Я застонал и посмотрел на своего напарника, который стоял за соседним пультом.

— Ник! — Я указал на свой пульт. — Присмотри тут, только не запори все дело.

Ник непонимающе нахмурился, потом заметил прижимающуюся девицу и улыбнулся. Он снял наушники и занял мое место, чтобы держать под контролем плей-лист, который я запустил. Стив, владелец клуба, всегда позволял уединяться с девушками за сценой. Я никогда ничего не требовал от поклонниц, но и не давал им от ворот поворот. С чего мне отказывать горячим, на все готовым цыпочкам?

Я схватил «Джек Дэниелс», а блондинка прижалась губа-

ми к моим губам и потянула меня за футболку. Слегка оттолкнув ее, я приложился к бутылке. Девушка утащила меня в темный угол за сценой, опустилась на колени и расстегнула ширинку. Я закрыл глаза и позволил ей делать свое дело.

Снова глотнув виски, откинул голову, прижавшись затылком к стене, и попытался хоть что-то почувствовать. Глянул вниз, на движущуюся светлую макушку.

Однако оцепенение, с которым я жил уже много дней, не покидало меня. В основании позвоночника возникло давление, мои бедра напряглись, и все закончилось.

Блондинка встала и посмотрела на меня сияющим взглядом.

– Твои глаза. – Она провела пальчиком по моему виску. – Такой необычный цвет, темно-темно-синий.

Верно подмечено. Вкупе с черными волосами мои синие глаза всегда привлекали внимание, как и тот факт, что я – один из самых крутых диджеев Европы. Ладно, возможно, глаза играли не такую важную роль, как мое имя: Кромвель Дин. Этим летом оно гремело на самых крупных музыкальных фестивалях и в самых шикарных клубах.

Я застегнул ширинку и повернулся посмотреть, как там справляется Ник. Увы, я тут же поморщился, потому что он не смог сделать переход между двумя треками так, как сделал бы я. На танцполе клубился темно-синий дым.

Я никогда не использовал темно-синий.

Я протолкнулся между стеной и блондинкой, бросив ей на

прощание: «Спасибо, детка», и не обратил внимания, когда она прошипела в ответ: «Придурок!» Сняв с головы Ника наушники, я надел их сам. Несколько щелчков по клавиатуре – и толпа снова у меня в руках.

Неосознанно я вновь посмотрел на то место, где недавно стояла девушка в фиолетовом платье.

Ее не было, так что бледно-розовый и лавандовый отблески тоже исчезли.

Я опять глотнул «Джек Дэниелс», замиксовал очередной трек, а потом отключился.

Песок охлаждал мои ступни. Наступление лета здесь, в Соединенном Королевстве, вовсе не означает, что, высунув нос на улицу, вы не отморозите себе все на свете. Сжимая в руках бутылку и пачку сигарет, я рухнул на песок, закурил и стал смотреть в черное небо. В кармане завибрировал мобильный... уже в который раз. Он трезвонил всю ночь не переставая.

В конце концов его жужжание меня достало, так что пришлось пошевелить рукой и достать телефон. Три пропущенных вызова от профессора Льюиса, два от мамы и пара сообщений.

МАМА: Профессор Льюис снова пытался с тобой связаться. Что ты собираешься делать? Пожалуйста, позвони мне. Знаю, ты расстроен, но речь идет о твоём будущем. У тебя есть дар, сынок. Возможно, в этом году пора на-

чать все сначала. Не уппусти эту возможность только из-за того, что злишься на меня.

На меня накатила волна обжигающей ярости. Захотелось швырнуть телефон в чертово море и смотреть, как он идет на дно вместе с хаосом, царившим у меня в голове. Но я успел увидеть сообщение от профессора Льюиса.

ЛЬЮИС: Предложение еще в силе, но ответ мне нужен не позднее следующей недели. Для перевода все готово, не хватает только вашего согласия. У вас выдающийся талант, Кромвель, не растрачивайте его впустую. Я могу помочь.

На сей раз я все-таки бросил телефон рядом с собой и снова плюхнулся на песок. Затянулся, так что дым наполнил мои легкие под завязку, и закрыл глаза. Некоторое время я лежал, слушая доносившуюся откуда-то музыку. Какая-то классика. Моцарт.

Мой одурманенный алкоголем разум немедленно скользнул в прошлое, в то время, когда я был ребенком...

– Что ты слышишь, Кромвель? – спросила мама.

Я зажмурился и прослушал музыкальный отрывок. Перед глазами у меня танцевали разноцветные круги.

– Пианино. Скрипка. Виолончель. – Я глубоко вздохнул. – Слышу красный, зеленый и розовый.

Я открыл глаза и посмотрел на отца, сидевшего на моей кровати. Отец пристально глядел на меня сверху вниз, на лице его застыло странное выражение.

– Ты слышишь цвета? – спросил он. Казалось, он совер-

шенно не удивился. Я почувствовал, как щеки опалило жаром, и спрятался с головой под одеяло, но отец стащил его с моей головы и взъерошил мне волосы.

– Это хорошо, – заверил он меня своим низким голосом. – Это очень хорошо.

Мои глаза распахнулись. Рука вдруг заболела, и, опустив глаза, я увидел, что костяшки моих пальцев, сжимающих горлышко бутылки, побелели. Я сел. Голова шла кругом от выпитого. В висках пульсировало, и я сообразил, что виной тому не алкоголь, а льющаяся над берегом музыка. Откинув со лба волосы, я посмотрел направо.

Всего в нескольких футах от меня кто-то сидел на песке. Я прищурился: летом солнце встает рано, темнота уже начала рассеиваться, и я смог разглядеть человека на берегу, черт его дери. Это оказалась девушка. Она куталась в одеяло, рядом с ней лежал телефон, негромко проигрывающий концерт Моцарта для фортепиано.

Очевидно, девушка почувствовала мой взгляд и повернула голову. Я нахмурился, гадая, где видел ее лицо, а потом: – Ты – тот самый диджей, – сказала она.

Меня озарило: это же та девушка из клуба, в фиолетовом платье.

Она плотнее закуталась в одеяло, а я еще раз проиграл в уме ее слова. Американка, из Библейского пояса ¹ – если судить по акценту.

¹ Библейский пояс – регион на юго-востоке Соединенных Штатов Америки.

Она говорила в точности как моя мама.

На ее губах заиграла улыбка, а я молчал. Я вообще не разговорчивый, особенно если под завязку накачался «Джеком Дэниелсом», и совершенно не горю желанием заниматься светской болтовней с незнакомой девчонкой в четыре часа утра на холодном брайтонском пляже.

– Я слышала о тебе, – сообщила она.

Я снова уставился на море: вдалеке шли корабли, их огни то вспыхивали, то гасли, словно крошечные светлячки. Я безрадостно рассмеялся. Просто отлично: очередная девица вознамерилась подцепить знаменитого диджея.

– Повезло тебе, – проворчал я и глотнул виски. По горлу разливалось привычное обжигающее тепло. Вот бы эта курица свалила куда подальше или, по крайней мере, оставила попытки меня разговорить. Голова и так раскалывалась от шума.

– Не сказала бы, – возразила девушка.

Я посмотрел на нее, озадаченно хмурясь. Она сидела неподвижно – колени подтянуты к груди, подбородок упирается в скрещенные на коленях руки – и смотрела на волны. Одеяло сползло с ее плеч, открыв моему взору знакомое фиолетовое платье. Не поднимая головы, девушка слегка повернулась и посмотрела в мою сторону. Меня окатила волна жара. Девица оказалась прехорошенькая.

– Я слышала о тебе, Кромвель Дин. – Она пожала плечами. – Решила достать билет и посмотреть, что ты из себя

представляешь, прежде чем вернуться домой.

Я зажег вторую сигарету, и девушка сморщила нос – явно не любила запах дыма.

Ну, ей же хуже. Не нравится – пусть идет в другое место. Насколько я помню, Англия – свободная страна. Девушка не двинулась с места и ничего не сказала.

Я поймал на себе ее пристальный взгляд. Она прищурила карие глаза, так, словно изучала меня, хотела прочесть то, что я прятал ото всех.

Никто и никогда не смотрел на меня так близко, ведь я не давал людям такой возможности. Отлично чувствовал себя на сценах в клубах, потому что остальные люди находились далеко внизу, на танцполах, и никто не видел настоящего меня. От пристального взгляда этой девушки мурашки побежали по коже.

Ничего подобного мне сейчас не нужно.

– Мне сегодня уже отсосали по полной программе, детка. Второго раунда не требуется.

Девушка захлопала глазами, и в свете восходящего солнца я заметил, как покраснели ее щеки.

– Твоя музыка бездушна, – выпалила она.

От неожиданности я замер, успев затянуться сигаретой. Что-то в ее словах задело меня, достало до печенок, но я подавил это новое чувство, постарался нырнуть в привычное оцепенение.

Затянувшись, я небрежно обронил:

– Неужели? Ну, что поделаешь.

– Я слышала, будто ты становишься мессией, когда поднимаешься на сцену, но вся твоя музыка искусственна – просто повторение скучных ритмов.

Я засмеялся и покачал головой. Девушка посмотрела мне в глаза.

– Это же электронная танцевальная музыка, а не симфонический оркестр. – Я развел руками. – Ты же сама призналась, что слышала обо мне, знаешь, какие треки я запускаю. Чего ты ожидала? Моцарта? – Я покосился на ее телефон, из которого по-прежнему доносился проклятый концерт.

Я снова откинулся назад, упершись в песок ладонями, удивляясь самому себе. Когда я в последний раз беседовал с кем-то так долго? Я затянулся, выдохнул дым.

– И выключи наконец эту штуку, а? Кто в здравом уме идет на дискотеку послушать диджея, а потом отправляется на берег моря, слушать классическую музыку?

Девушка нахмурилась, но музыку выключила. Я упал спиной на холодный песок и закрыл глаза. Волны с тихим шуршанием наползали на берег, и моя голова заполнилась бледно-зеленым цветом. Я слышал, как девушка пошевелилась, и понадеялся, что она сейчас уйдет, но, увы, она села рядом со мной. Мой мир потемнел: я начал потихоньку отключаться из-за виски и привычного недосыпа.

– Что ты чувствуешь, создавая свою музыку? – спросила девушка.

Причина, по которой она решила, что сейчас самое время для маленького интервью, осталась за рамками моего понимания. И все же я с удивлением услышал собственный голос: – Я не чувствую.

Девушка молчала, и тогда я приоткрыл один глаз и взглянул на нее. Она смотрела на меня сверху вниз. Никогда еще не встречал девушку с такими большими карими глазами. Темные волосы, собранные в хвост, гладкая кожа, пухлые губы.

– Тогда проблема именно в этом. – Она улыбнулась очень грустной улыбкой. С жалостью. – Музыку должен прочувствовать и создатель, и слушатель. Каждую ноту нужно пропустить сквозь призму чувств.

Какое-то странное выражение появилось на ее лице, но что оно означало, я, хоть убей, не понимал.

Каждое слово ранило меня, как острый нож. Я не ждал такого жесткого комментария и уж тем более не думал, что после него в сердце возникнет такая тупая боль, словно эта девица взяла мясницкий нож и располосовала мою душу.

Меня так и подмывало подняться и сбежать, вырвать из памяти ее оценку моей музыки. Однако вместо этого я принужденно засмеялся и выплюнул:

– Отправляйся домой, крошка Дороти. Иди туда, где музыка что-то значит и где ее чувствуют.

– Дороти была из Канзаса. – Девушка отвела взгляд. – А я – нет.

– Ну, так и катись туда, откуда приехала! – рявкнул я. Потом демонстративно скрестил руки на груди, уселся поудобнее и закрыл глаза, стараясь не обращать внимания на пронизывающий холодный ветер и ее слова, засевшие глубоко в сердце.

Я никогда и никому не позволял так себя доставать. И больше не позволю. Мне просто нужно немного поспать. Мне не хотелось возвращаться в дом матери в Брайтоне, а до моей лондонской квартиры довольно далеко. Так что оставалось надеяться, что копы не найдут меня здесь и не прогонят с пляжа пинками.

Не открывая глаз, я сказал:

– Спасибо за полуночную критику, но мне всего девятнадцать, а популярность моя растет как на дрожжах, и лучшие клубы Европы стоят в очереди, умоляя выступить на их сценах, так что, думаю, я проигнорирую твоё всеобъемлющее заключение и продолжу наслаждаться этой дерьмовой жизнью.

Девушка вздохнула, но ничего не сказала.

Когда я снова пришел в себя, мне в глаза бил яркий свет. Я вздрогнул: над морем кружились стаи чаек, их пронзительные крики били по ушам. Я сел и оглядел пляж; солнце стояло высоко в небе. Я провел рукой по лицу и застонал: голова трещала от похмелья. В животе заурчало – мне срочно требовался добрый английский завтрак, в котором обязательно будет присутствовать большая чашка черного чая.

Я встал, и что-то упало с коленей на песок: у моих ног лежало одеяло.

То самое одеяло, в которое вчера ночью куталась американка в фиолетовом платье.

Подобрал его и ощутил легкий аромат, сладковатый и соблазнительный. Я огляделся: девушка исчезла.

Она оставила свое одеяло. Нет, она меня им укрыла.

«Твоя музыка бездушна».

При воспоминании об этих словах внутри все сжалось, поэтому я выбросил их из головы, как поступал со всем, что заставляло меня чувствовать, закопал неприятное воспоминание поглубже.

И потащил свою задницу домой.

Глава 2

Кромвель

Университет Джефферсона Янга,

Южная Каролина

Три месяца спустя...

Я постучал в дверь.

Мне никто не ответил.

Тогда я бросил сумку на пол, повернул дверную ручку и вошел. Одну стену комнаты полностью закрывали плакаты: афиши музыкальных групп, рисунки, картинка с Микки-Маусом, бледно-зеленый трилистник – чего тут только не было. Никогда не видел такого разнообразия тем. На кровати уже кто-то успел поваляться, вероятно, не большой любитель порядка: скомканное черное одеяло лежало кое-как. На маленьком письменном столе возвышалась гора пакетов из-под чипсов, присыпанная смятыми обертками от шоколадных батончиков. На подоконнике пестрели разбросанные тюбики с краской и кисти.

Я, конечно, тоже порядочный грязнуля, но не до такой же степени.

Слева стояла вторая кровать, предположительно моя. Опустив переполненную сумку на пол, я с наслаждением улегся. Кровать оказалась маленькой, и мои ноги почти сви-

сали с нее. Сняв с шеи наушники, я нацепил их на голову.

Смена часового пояса не прошла бесследно, вдобавок ныла шея – затекла, пока я спал в неудобной позе во время перелета.

Не успел я включить музыку, как дверь распахнулась, и в комнату влетел высокий парень с белокурыми, всклокоченными волосами. На нем были бермуды и майка.

– Ты здесь! – провозгласил он, уперся ладонями в колени и попытался отдышаться.

Я лишь вопросительно приподнял бровь. Парень вскинул вверх руку, призывая меня подождать, потом шагнул ближе и протянул открытую ладонь. С неохотой я ответил на рукопожатие.

– Ты – Кромвель Дин, – сообщил мне этот удивительный человек.

Я рывком поднялся и спустил ноги с кровати. Незнакомец ухватился за стоявший возле стола стул, вытащил его на середину комнаты и сел, положив руки на спинку.

– А я – Истон Фаррадей, твой сосед по комнате.

Я кивнул, потом указал на его половину комнаты.

– Декор у тебя очень... эклектичный.

Истон подмигнул и широко улыбнулся. Я не привык, чтобы люди так улыбались. Никогда не понимал эту моду лыбиться по поводу и без.

– Полагаю, это определение можно считать комплиментом. – Он встал со стула. – Пошли.

Я почесал затылок и тоже поднялся.

– И куда, скажи на милость, мы идем?

Истон рассмеялся:

– Черт, придется мне привыкнуть к твоему акценту, старина. Местные девчонки придут от него в буйный восторг. – Он подтолкнул меня локтем в бок и поиграл бровями. – Как и от возможности пообщаться со знаменитым диджеем. Небось красотки ломятся к тебе в постель толпами, а?

– Не жалуясь.

Истон положил руки мне на плечи и проникновенно сказал:

– До чего же ты счастливый засранец! Научи меня своим уловкам! – Он зашагал к двери. – Вперед! Истон Фаррадей устроит тебе фирменную экскурсию по Университету Джефферсона Янга.

Я посмотрел в окно, на внутренний двор. Солнце припекало по-летнему. В Англии, откуда я приехал, такая жара в диковинку. Строго говоря, моя родина – это Южная Каролина: моя мама оттуда, но я совершенно не помнил то место. Мы переехали в Соединенное Королевство, когда мне было всего семь недель от роду. Я мог бы стать урожденным американцем, но в итоге был британцем до мозга костей.

– Почему бы и нет? – сказал я, и Истон повел меня на экскурсию.

Покинув комнату, мы пошли по коридору; почти все студенты, мимо которых мы проходили, здоровались с Исто-

ном. Мой новый сосед по комнате хлопал ребят и девушек по протянутым ладоням, обнимал знакомых, подмигивал направо и налево. Некоторые парни провожали меня странными взглядами: одни явно пытались сообразить, где видели меня прежде, другие сразу узнавали.

Истон кивком указал на приближающихся к нам парня и девушку. Парень уставился на меня в упор.

– Вот это номер! Кромвель Дин! Истон говорил, будто ты приедешь, но я грешным делом решил, что он заливает.

Он покачал головой.

– Какого черта ты забыл в Университете Джефферсона Янга? Все только об этом и болтают.

Я открыл было рот, но Истон ответил за меня:

– Из-за Льюиса, верно? Все, кто хоть раз брал в руки клятый музыкальный инструмент, приперлись сюда ради него.

Парень кивнул с таким видом, словно на его вопрос ответил именно я, а не Истон.

– Я – Мэтт, друг Истона. – Мэтт рассмеялся. – Скоро ты поймешь, что твой сосед по комнате – самый популярный парень в универе. Он у нас такой говорливый, что все остальные на его фоне просто блекнут. И трех недель не прошло с начала учебного года, как все, от первокурсников до выпускников, уже знали его имя.

– Сара, – представилась рыженькая девушка, стоявшая рядом с Мэттом. – Не сомневаюсь, ты вольешься в нашу компанию.

– Ты просто обязан покрутить вертушку в пятницу, – подхватил Мэтт.

Истон застонал и стукнул Мэтта кулаком в плечо.

– Мэтт, у меня есть план. Ты просто обязан заслужить эту честь, прежде чем просить о таком.

Я быстро переводил взгляд с Мэтта на Истона и обратно. Сара подняла глаза к потолку, а Истон повернулся ко мне:

– В паре миль от кампуса есть заброшенный не то сарай, не то амбар, не то склад. Лачугой и землей, на которой она стоит, владеет старый выпускник универа, он разрешает нам использовать развалюху под вечеринки. В округе не так много мест, где можно повеселиться, так что приходится подключать фантазию. Там есть все необходимое – один чувак, выпустившийся год назад, нас спонсировал, и теперь там приличное освещение, танцпол и сцена. Парень хотел отомстить папаше за свою мать – папочка ей изменяет. И теперь это место – просто мечта студента.

– А копы? – усомнился я.

Истон пожал плечами:

– Это же просто колледж в небольшом городке, тут большинство студентов из местных. Джефферсон всегда старался сделать обучение недорогим, так было до приезда в этом году Льюиса. Большинство здешних копов ходили в одну школу с кем-то из студентов или членов их семей. Тут все старые друзья, нас никто не побеспокоит.

– Проще говоря, действует круговая порука, когда дело

касается полиции. Амбар довольно далеко от цивилизации, так что на шум никто не жалуется, – добавил Мэтт.

У меня болела голова, мне хотелось выкурить сигарету и завалиться спать часов на четырнадцать. Три пары глаз выжидательно уставились на меня, и я сказал:

– Конечно.

– Зашибись! – Мэтт радостно усмехнулся и приобнял Сару за плечи. – Не могу поверить! В Амбаре выступит сам Кромвель Дин! – Он повернулся к Истону: – Это будет улетно.

Истон отсалютовал приятелю, потом положил руку мне на плечо.

– Я обещал Кромвелю провести экскурсию. Увидимся позже. – Я потащился следом за парнем вниз по лестнице, которая вывела нас во внутренний двор. Мне в лицо ударила волна свежего воздуха, а Истон шумно втянул носом воздух и раскинул руки в стороны. – Итак, Кромвель, это наш двор.

На траве тут и там сидели студенты, из телефонных динамиков лилась приглушенная музыка. Одни читали, другие просто болтали.

И вновь все без исключения здоровались с Истоном. На меня откровенно таращились. Наверное, все эти ребята вдруг почувствовали, что перенеслись из второсортного колледжа в первоклассный иностранный университет.

– Это двор. Тут можно болтать, прогуливать занятия и все такое прочее, – объявил Истон.

Я проследовал за ним в кафешку, потом – в библиотеку, куда, по словам моего соседа по комнате, студенты наведывались не читать книги, а перепихнуться за стеллажами. Наконец мы подошли к машине.

– Садись, – предложил Истон.

Будучи не в силах спорить, я плюхнулся на сиденье. Истон вырулил на дорогу, и мы покинули территорию университета.

– Ну что? – спросил он, когда я зажег сигарету и наполнил дымом легкие. Я закрыл глаза и выдохнул. Чуть не скопился за девять часов без никотина.

– Поделись, Кром, – попросил Истон.

Я передал ему сигарету, опустил стекло и стал смотреть на спортивные площадки и небольшой стадион для американского футбола.

– Ну что? – повторил Истон. – Я так понял, тебя сюда затянуло имя Льюиса, и все же жизнь-то твоя и так, считай, сложилась, а?

Я откинул голову и слегка повернулся, чтобы взглянуть на Истона. На руке у него темнела татуировка, нечто вроде звезды. Никогда не понимал, как можно ограничиться всего одной. Едва сделав себе первую тату, я сразу же договорился о втором визите к мастеру. С тех пор татуировок у меня значительно прибавилось, но останавливаться на достигнутом я не собирался, подсел на это дело основательно.

Автомобильные динамики выводили музыку с телефона

Истона. Тут, как по заказу, заиграл один из моих миксов. Истон засмеялся.

– Если ты сомневался, то имей в виду: Боженька поддерживает меня, вон, знак подал.

Я закрыл глаза, наслаждаясь запахом дыма.

– Я отучился год в лондонском универе. Все было тип-топ, но мне надоело быть англичанином. Льюис пригласил меня сюда, учиться под своим началом. Вот я и приехал.

Последовала пауза.

– Все равно не понимаю. Зачем тебе вообще учиться? Карьеру ты сделал, к чему вся эта морока с колледжем?

Мне словно нож в живот воткнули, в горле разом пересохло. Отвечать я не собирался, поэтому просто сидел, закрыв глаза.

Истон вздохнул:

– Ладно, сохраняй налет таинственности. Добавим это в тот и без того длинный список твоих достоинств, от которых тащатся цыпочки. – Он пихнул меня локтем. – Открывай глаза. Как же мне показывать тебе достопримечательности, если ты ничего не видишь?

– Можно ограничиться только звуковой частью. Коль скоро рот у тебя ни на секунду не закрывается, думаю, ты сумеешь так все описать, что и смотреть не придется.

Истон расхохотался:

– И то верно. – Он указал вперед – мы въезжали в маленький городишко. – Добро пожаловать в Джефферсон. Осно-

ван в тысяча восемьсот двенадцатом году, население – две тысячи душ. – Он повернул, и я предположил, что теперь мы едем по главной городской улице. – Тут у нас все, как везде. – Сказано это было с чудовищным британским акцентом, очевидно, парень из всех сил пытался меня развлечь. – «Дэери Квин», «Макдоналдс» и все такое. Пара деревенских баров, несколько мелких закусовых. Кофейня – там проходят неплохие музыкальные вечера, если хочешь взбодриться, их организует какой-то местный талант. – Еще мы проехали мимо кинотеатра на четыре зала и каких-то сувенирных лавочек для туристов, пока наконец не добрались до Амбара. Снаружи – сарай сараем, как и описывал Истон, вот только он обещал, что внутри все по первому классу, не хуже, чем в клубах на Ибице. Мне случалось выступать в клубах Ибицы, и я сильно сомневался, что в Амбаре все на таком же уровне. С другой стороны, здесь можно играть, а это уже что-то, принимая во внимание общее состояние городка.

– А на кого ты учишься? – поинтересовался я.

– Изучаю искусство, – ответил Истон. Я вспомнил многочисленные плакаты и картины в нашей комнате. – Мне нравятся разные изобразительные средства, лишь бы было ярко и выразительно. – Он кивнул в мою сторону. – В пятницу я буду отвечать за свет. Ты на сцене, я обеспечиваю освещение. Будет полный отпад. – Он поиграл бровями. – Только подумай, сколько цыпочек упадет к нашим ногам.

Прямо сейчас мне хотелось лишь одного: поспать.

Глава 3

Кромвель

Когда мы подъехали к Амбару, Истон разве что не прыгал от нетерпения на сиденье своего пикапа. Было часов десять вечера. Я не привык начинать выступление раньше полуночи.

Истон оказался прав: деревянный склад буквально ходил ходуном, вокруг него на траве разместились те, кому не хватило места. Внутри грохотала танцевальная музыка. Я поморщился: один ужасный микс наслаивался на другой.

Вероятно, Истон заметил выражение моего лица, потому что быстренько припарковался и коснулся моего плеча.

– Ты наш спаситель, Кром. Видишь, с чем нам приходится мириться? Предупреждаю, Брайс трясется над своими пультами, как наседка над цыплятами.

Я закурил и вылез из машины. С тех пор как мы приехали, глаза всех собравшихся были прикованы к ней, а стоило мне выбраться наружу, все стало еще хуже. Не обращая внимания на шепотки и изучающие взгляды, я направился к багажнику пикапа, вытащил сумку с ноутбуком и повесил на плечо. Майка липла к груди. Местная погода навевала мысли о постоянном пребывании в сауне, мне было жарко в джинсах. Истон направился ко входу в амбар, и я двинулся сле-

дом. Все девушки провожали меня взглядами. Мои руки и шею сплошь покрывали татуировки, при виде которых одни девчонки откровенно пускали слюни, а другие морщили носы и надували губы. Судя по взглядам местных барышень, речь, скорее, шла о первом варианте.

Какая-то брюнетка преградила мне дорогу, вынудив остановиться. Истон рассмеялся. Девушка толкнула его в плечо и сказала:

– Я – Кейси. А ты – Кромвель Дин.

– Тонко подмечено, – ответил я.

Девушка улыбнулась. Я облизнул губы и заметил, как блеснули ее глаза при виде пирсинга у меня в языке.

– Я... М-м-м... – Она покраснела. – С нетерпением жду твоего выступления. – Девушка глотнула пива и нервным жестом заправила за ухо волосы. – У меня в телефоне есть несколько твоих миксов, я их слушаю во время пробежек, но, слышала, запись не идет ни в какое сравнение с исполнением вживую.

Я посмотрел на Истона.

– Если хочешь, чтобы я избавил всех от миксов Брайса, от которых кровь из ушей идет, нам лучше поторопиться.

– Увидимся позже, Кейси, – подхватил Истон. Я кивнул Кейси и прошел мимо нее к двери. Истон пихнул меня локтем. – Она ничего. – Его улыбка стала шире. – И довольно горячая штучка, а?

Я кивнул и сильнее наклонил голову, прячась от обращен-

ных на меня взглядов. Внимание я ненавидел. Знаю, звучит глупо: диджей не любит внимание. Но мне хотелось, чтобы люди интересовались моей музыкой, а не мной. Мне просто хотелось играть.

Играть, чтобы не сойти с ума.

С остальным приходилось мириться.

Все равно кроме музыки во мне мало хорошего, я не тот человек, которого хочется узнать поближе.

Истон явно заметил, что мне неуютно от излишнего внимания, рассмеялся и обхватил меня за шею. Позеру вроде него ни за что меня не понять, вдобавок этот урод, похоже, слыхом не слыхивал о личном пространстве. И все же он мне нравился. У меня не было друзей, к тому же я подозревал, что Истон не отвяжется от меня, даже если его об этом попросить.

– Черт возьми, Кром. Чувствуешь себя животным в зоопарке? У нас в Джефферсоне не так часто появляются знаменитости.

– Да какая я знаменитость, – буркнул я, позволяя Истону подвести себя к сцене.

– В мире электронной танцевальной музыки ты знаменитость. И здесь, в Университете Джефферсона Янга, ты тоже звезда. – Он наклонился к одной из девушек, стоявших возле сцены. Держу пари, он притягивал девиц как магнит. – Что будешь пить?

– «Джек Дэниелс», целую бутылку.

– Заметано. – Истон одобрительно улыбнулся.

Девушка куда-то умчалась. Я открыл сумку и вытащил наушники. Повертел головой, разминая шею, и достал ноутбук. Истон наблюдал за мной с таким видом, словно у него на глазах проходил какой-то важный научный эксперимент. Я поднял бровь.

– Приятно лицезреть работу мастера, знаешь ли, – пояснил он.

Истон похлопал по плечу диджея. Брайс. Тот поднял голову, заметил меня, а в следующую секунду его словно ветром сдуло со сцены. Истон рассмеялся, наблюдая, как помрачневший придурок протискивается мимо меня. Я поднялся, поставил на стол ноутбук, подключил его к микшеру и только потом позволил себе оглядеться.

Народу в Амбар набилось тьма-тьмушая. На меня тарачились сотни глаз. Я набрал в легкие побольше воздуха; жар разгоряченных тел согревал мне кожу, свет цветных прожекторов бил по глазам.

Рядом словно из ниоткуда возникла бутылка «Джек Дэниелс». Я сделал большой глоток и с размаху поставил бутылку на пол справа от себя. Истон, занявший место слева, кивнул мне. Он хлестал из бутылки текилу так, словно это вода. Я сосредоточил внимание на мониторе своего ноутбука, а на танцполе стройными рядами в ожидании замерли сотни тел.

Я жил ради этого момента. Пауза. Затаить дыхание за миг до начала хаоса.

Я пробежался пальцами по клавиатуре, настроил мотив, а потом одним движением руки погрузил толпу в эйфорию. Истон залил Амбар ядовито-зеленым светом, прожекторы подхватили заданный ритм, так что казалось, будто танцующая толпа движется медленно. Народ пил и курил.

Истон запрокинул голову и расхохотался:

– Это просто безумие! Кромвель Дин в Амбаре!

Грохот ударных вторил ритму моего сердца, отражался от стен сарая. Истон не соврал: здесь действительно оказалось неплохо. Я то и дело прикладывался к бутылке.

Истон лакал текилу с такой скоростью, словно боялся, что алкоголь испарится, стоит ему только на минутку ее отставить.

Я пожал плечами. Это его жизнь, и его похмелье, от которого у него завтра глаза будут квадратные. Я покосился на собственную бутылку. Кого я обманываю? Я и сам завтра буду никакой.

Истон пихнул меня локтем и кивнул куда-то в сторону. Я посмотрел туда.

Кейси, брюнетка, которую мы встретили снаружи, стояла у сцены и смотрела на меня снизу вверх. Она улыбнулась, и я улыбнулся в ответ. Оглядев толпу, я заметил, что многие собрались группками, тут и там целовались парочки, все танцевали. У меня никогда не было ничего подобного. Зато была музыка. Только и всего. Я вдруг почувствовал щемящую пустоту в груди, и это чувство застигло меня врасплох.

Я немедленно постарался от него избавиться.

Ни за что не позволю ему донимать меня.

Я снова сосредоточился на музыке и добавил к миксу несколько звучных ритмов.

Бас-барабаны грохотали так, что тряслись стены. Истон перегнулся через меня и сцапал микрофон. Я всегда молчал во время выступления, потому что за меня говорила моя музыка. Под мои мелодии никто даже не пел. Только бой ударных и ритм.

– И это вы называете «оторваться»? – выкрикнул Истон, и толпа завизжала.

Он вскочил на стол. Я покачал головой и усмехнулся, глядя на это ходячее эго по имени Истон Фаррадей.

– Я говорю... – Он сделал паузу, а потом пронзительно завопил: – Это вы называете «оторваться», мать вашу?!

Тут я врубил настолько громкую и частую барабанную дробь, что толпа содрогнулась, не в силах противиться зажигательному ритму. Тела танцующих бились друг о друга, люди подпрыгивали, пили, некоторые чуть ли не бились в судорогах на полу. Я растворился в этом хаосе, как происходило всегда, когда я стоял на сцене и играл. Забыл о тьме, сгустившейся у меня в голове, и нырнул в эту эйфорию. Да здравствует оупляющая нирвана.

Я закрыл глаза, чтобы спрятаться от прыгающего света прожекторов, которыми управлял Истон. Мои кости вибрировали в такт музыке, звук заполнял мои уши, проникал в

вены, словно инъекция. Перед опущенными веками танцевали красные и желтые круги. Я распахнул глаза и увидел, как Истон, шатаясь, слезает со сцены. Он обнимал за шею какую-то девушку, а та, очевидно, вознамерилась сжевать его губы. Истон увлек ее за собой, и парочка улизнула на улицу.

Несколько часов пронеслись как одна секунда. Я играл, пока у меня не закончились миксы. Брайс, местный бездарный «диджей», рванул на мое место, не дождавшись даже, пока я спущусь со сцены. Я забрал свой виски, прихватил немного закуски и вышел наружу; взбудораженная, очумевшая толпа и не заметила, что диджей поменялся.

Это был полный крышеснос.

Вырвавшись на свежий воздух, я заметил тихое местечко возле одной из стен Амбара, обессиленно опустился на землю и закрыл глаза, но практически сразу же раздался взрыв смеха, и я неохотно приподнял веки.

Это место не шло ни в какое сравнение с моим лондонским универом. Джефферсон Янг был крохотным, и здесь все друг друга знали. Университет, в котором я учился в Лондоне, был огромным, там не составляло труда затеряться в толпе. Я жил один – никакого общежития, лишь просторная квартира-студия недалеко от кампуса. Никаких друзей.

Я словно попал в другой мир, к тому же совершенно мне незнакомый.

Первые несколько дней я почти не выходил из комнаты, отсыпался и готовил миксы для сегодняшней ночи. Истон

пытался уговорить меня потусоваться с ним и его приятелями, но я, будучи глубоко асоциальным человеком, отказался. Одиночество меня вполне устраивало.

Я снова закрыл глаза, но уже в следующую секунду ощутил прикосновение теплого плеча. Кейси уселась рядом со мной, сжимая в руке бутылку пива.

– Оторвался?

– Вымотался, – ответил я.

Она тихонько рассмеялась – наверное, ее веселил мой акцент. Во всяком случае, Истон постоянно хохотал, стоило мне открыть рот.

– Ты выступил просто потрясающе.

Я посмотрел на нее, и она опустила голову.

– Тебе, наверное, кажется, что ты в миллионах миль от дома, да? Джефферсон – это тебе не Лондон, верно? В смысле, сама-то я там не была, но... все же.

– Расстояние изрядное.

Кейси кивнула так, будто понимала мои чувства. Ни черта она не понимала.

– Ты учишься на музыкальном отделении? – Она покачала головой. – Да ладно. А где же еще? – Кейси бросила взгляд на вывалившуюся из Амбара толпу. На их месте я бы тоже сбежал, чтобы не слышать ту жуткую хрень, которую местный диджей считал музыкой. – Я учусь на отделении английского языка.

Я не ответил, лишь сделал глоток виски, а Кейси отхлеб-

нула пива. Несколько минут спустя к нам подошли Мэтт и Сара.

Мэтт присел на корточки рядом с Кейси и принялся что-то настойчиво ей шептать. Девушка вздохнула.

– Я должна ей позвонить?

Мэтт кивнул.

– Господи Иисусе. – Кейси вытащила мобильный и встала.

– Что такое? – спросил я.

– Истон, – ответил Мэтт. – Напился в хлам и отказывается двигаться. – Он указал на Кейси. – Вот, приходится звонить его сестре, кроме нее с ним никто не справится. Кретин начинает страшно буянить, стоит хоть кому-нибудь пальцем его тронуть. Любит покутить, но совершенно не умеет пить.

– Р-разойдись! – прозвенел над полем пьяный голос Исто-на. Потом показался и сам парень: он шел, сильно шатаясь, и размахивал пустой бутылкой из-под текилы. Народ обходил его стороной.

– Кромвель! – Истон добрал до нас и повис у меня на шее. – Это просто огонь! – выкрикивал он заплетающимся языком. – Не могу поверить, что ты здесь, чувак! В Джефферсоне! В этой дыре никогда ничего не происходит! Скука смертная, мать ее!

Он грузно плюхнулся на землю. Мэтт попытался поставить его на ноги.

– Отвали! – рявкнул Истон. – Где Бонни?

– Уже едет.

Голова Истона упала на грудь, но он вяло кивнул, показывая, что все понял.

– Это он меня сюда привез, – шепнул я Мэтту.

– Вот дерьмо. Наша машина под завязку. Бонни подбросит тебя до дома, все равно ей везти Истона, а вы живете в одной комнате. Она милая и не будет против.

– Пойду заберу свои вещи.

Я юркнул обратно в сарай и взял свой ноутбук. Снова выбравшись наружу, я откинул со лба волосы и огляделся. Последние несколько дней я надеялся, что, приехав сюда, настроение улучшится, что черная яма, прочно угнездившаяся где-то в животе, исчезнет. И вот я попотчевал огромную толпу народа музыкой, поболтал с людьми и все равно чувствовал, как щемящая душу тоска рвется наружу, готовится поглотить меня, похоронить в прошлом.

С тем же успехом можно было сюда и не приезжать.

Прямо передо мной остановился серебристый автомобиль, на миг меня ослепил свет фар. Я подошел ближе. Башка у меня уже трещала по полной программе. Мэтт тянул Истона за руку, помогая подняться, а за другую руку тянула какая-то девчонка в обтягивающих джинсах и белом кардигане.

Очевидно, это и есть его сестра. Я подошел к машине, когда Мэтт уже захлопнул дверь.

Истон раскинулся на заднем сиденье – похоже, пребывал в глубокой отключке.

– Ты подбросишь его до дома? – спросил Мэтт у девчонки, потом быстро обнял ее. Сара последовала его примеру.

– Ага, – кивнула она.

– Кромвель! – Мэтт взмахнул рукой, призывая меня подойти ближе. Я подошел к ним, но сестра Истона даже не обернулась. Мне показалось, что она напряглась.

– Давай сюда, – сказал Мэтт. – Бонни забирает Истона домой. – Ты же не против подвезти Кромвеля, правда? В нашей машине мест нет. Это Истон его сюда привез.

Ответа я не услышал, поэтому просто прошел мимо нее к багажнику и положил туда свои вещи. Мэтт помахал мне на прощание и отчалил, увлекая за собой Сару. Кейси тронула меня за руку.

– Было приятно с тобой познакомиться, Кромвель. – Она двинулась вслед за остальными, а по пути один раз обернулась.

Я уже собирался открыть дверь со стороны пассажирского сиденья, но тут сестра Истона повернулась ко мне лицом, и в первое мгновение я не поверил своим глазам.

Потом из глубины памяти поднялось смутное воспоминание о теплом бризе, и меня словно холодной водой окатило. «Твоя музыка бездушна»...

При виде моего перекосившегося лица девушка вздохнула и сказала:

– И снова здравствуй.

– Ты, – выдохнул я и холодно рассмеялся: до чего нелепую

шутку сыграло со мной подлое мироздание!

– Я, – согласилась она, пожимая плечами. Моя реакция явно ее забавляла. Темные волосы, как и в прошлый раз, были собраны в хвост, спускающийся почти до талии. Она села в машину и опустила оконное стекло со стороны пассажирского сиденья.

– Так ты садишься или пойдешь домой пешком?

Я перекатил во рту пирсинг, пытаюсь разжать кулаки. Ни в коем случае нельзя показать, как сильно обидели меня ее слова, небрежно брошенные на холодном утреннем пляже Брайтона. Ни за что нельзя позволить ей снова задеть меня за живое.

Бонни – кажется, именно так ее звали – завела мотор. Не в силах поверить в происходящее, я рассмеялся и открыл заднюю дверь. Истон всю хрипел, его руки и ноги занимали все сиденье.

Бонни обернулась и посмотрела на меня:

– Похоже, тебе придется сесть рядом со мной, суперзвезда.

Стиснув зубы, я сделал глубокий вдох, повернулся и бросил взгляд на то место возле Амбара, где недавно сидел. Бутылка виски стояла на земле. Я быстро сбегал за ней, вернулся и уселся на переднее сиденье.

Без алкоголя мне эту поездку не выдержать.

– «Джек Дэниелс», – прокомментировала Бонни. – Похоже, вы с ним близкие друзья.

– Лучшие, – отрезал я.

В машине воцарилась оглушительная тишина. Я протянул руку и включил радио – заиграл какой-то фолк. Ну уж нет, спасибо. Я включил следующий трек ее плей-листа. Зазвучала Пятая симфония Бетховена, и я решил, что лучшим решением будет выключить эту проклятую шарманку.

– Твои музыкальные вкусы оставляют желать лучшего. – Я основательно приложился к бутылке. Не знаю, с чего я вообще открыл рот – никогда не стремился первым начинать разговор. Вот только стоило мне вспомнить тот разговор на пляже, и во мне закипела такая злость, что слова вырвались сами собой.

– Ах да, точно. Никакой классики. А теперь, выходит, и фолк под запретом. Приятно знать, что хорошая музыка оскорбляет твой слух. – Девушка на секунду отвлеклась от дороги и взглянула мне в глаза. Она хмурилась. – Ты здесь из-за Льюиса, верно? Иначе зачем тебе приезжать в Джефферсон?

Проигнорировав вопрос, я сделал еще глоток. Мне не хотелось обсуждать с этой фифой музыку, мне вообще не хотелось с ней разговаривать, и точка. Я вытащил из кармана сигарету, зажал ее в зубах и уже собирался закурить, как вредная девчонка сказала:

– Никакого курева в моей машине.

Я все равно зажег сигарету и от души затянулся. В следующую секунду машина так резко затормозила, что я едва не

выронил бутылку.

– Сказала же, никаких сигарет в моей машине! – рывкнула Бонни. – Выброси ее или выметайся. Выбирай, Кромвель Дин.

Я весь напрягся. Еще никто не разговаривал со мной таким тоном. Я посмотрел ей в глаза, наполняя легкие дымом и выбросил сигарету в открытое окно. Впервые я смотрел на нее в упор, на эти темно-карие глаза и пухлые губы. Я примирительно вскинул руки.

– Слушаюсь, Бонни Фаррадей.

Она снова завела мотор, и мы во мгновение ока оказались на главной улице.

Студенты группками расползались по домам, возвращались в общежитие после вечеринки в Амбаре. Мне не хотелось говорить с Бонни, но терпеть напряженное молчание оказалось еще сложнее. Я сжал руками колени и сдержанно поинтересовался:

– Вечеринки не для тебя?

– Сегодня я была занята: готовилась к началу занятий в понедельник. – Не оборачиваясь, она указала на своего брата, храпевшего на заднем сиденье. – Ну, во всяком случае, пыталась заниматься, пока мой брат-близнец все не испортил.

Мои брови сами собой взлетели вверх. Бонни заметила это и пояснила:

– Ага, Истон старше на четыре минуты. Мы с ним совер-

шенно не похожи, правда? Абсолютно разные. Но он мой лучший друг, поэтому вот она я, служба такси имени Бонни.

– Истон сказал, что вы местные.

– Ага, из Джефферсона. Самые что ни на есть уроженцы Южной Каролины. – Я ощутил ее взгляд. – Странно, правда? Ты здесь, после нашей встречи в Англии.

Я пожал плечами. А ведь и впрямь странно. Вероятность такой встречи – один на миллион.

Бонни остановила машину перед общежитием, потом обернулась и взглянула на брата.

– Придется тебе помочь мне поднять его по лестнице.

Я вылез из машины, подошел к заднему сиденью, выволок Истона наружу, взвалил на плечо и распорядился, кивнув на багажник:

– Мой ноутбук.

Бонни достала из багажника мои вещи. Я кое-как втащил Истона вверх по лестнице, довел до комнаты и сгрузил на кровать.

Пока мы поднимались по ступенькам, Бонни тяжело топала следом и теперь пыхтела, с трудом переводя дыхание.

– Может, тебе спортом заняться? Знаешь, кардио и все такое. Неужто так трудно взобраться по лестнице?

Я вел себя как отменная сволочь, знал это, но ничего не мог с собой поделать. Уж очень она меня взбесила той ночью в Брайтоне, и я никак не мог спустить ей это с рук.

Проигнорировав издевку, Бонни положила мои вещи на

стол, потом взяла с прикроватной тумбочки брата пустой стакан и вышла из комнаты. Через несколько минут девушка вернулась, поставила стакан воды обратно на тумбочку, а рядом положила пару таблеток. Наконец она чмокнула Истона в макушку и пробормотала:

– Позвони мне завтра.

Я лежал на своей кровати, поглаживал пальцем наушники на шее и мечтал отрубиться. Проходя мимо меня, Бонни остановилась, в последний раз посмотрела на брата, и мне показалось, что ее взгляд стал нежнее. Сейчас она выглядела... милее, чем обычно.

– Будь добр, присмотри за ним, ладно?

Я решительно отмел эту идею.

– Истон уже большой мальчик, уверен, он сам о себе позаботится.

Бонни резко вскинула голову и потрясенно на меня уставилась, а потом ее лицо будто окаменело.

– Вижу, ты все такой же очаровательный, Кромвель. Спокойной ночи.

Бонни ушла, а Истон заворочался, приоткрыл один глаз и позвал:

– Бонни?

– Она ушла, – сказал я, снимая рубашку. Оставшись в трусах, я забрался в постель.

Истон перевернулся на другой бок.

– Это моя сестра. Она тебе сказала?

– Сказала.

Через пару секунд он уже вновь храпел.

Я взял свой телефон, включил музыку, как делал каждый вечер, и позволил успокаивающим танцевальным ритмам заполнить мое сознание. С электронной музыкой цвета у меня в голове были совершенно другими. С ней я не замечал тех оттенков, которые заставляли меня вспоминать.

И я был чертовски благодарен за это уж и не знаю кому – Богу или кто там над мирозданием главный.

Глава 4

Бонни

Я захлопнула дверь внедорожника и направилась в свою комнату. Кромвель Дин никак не выходил у меня из головы. Разумеется, я знала, что он здесь: с той минуты как Истон услышал, что будет делить комнату со знаменитым диджеем, то больше ни о чем другом не мог говорить.

И все же я не верила своим ушам.

Истон понятия не имел о том, что я случайно столкнулась с Кромвелем в Брайтоне. Я вообще никому об этом не рассказала. Честно говоря, у меня в голове не укладывалось, что я говорила с заезжей звездой таким тоном, но ведь и он... вел себя со мной как с прислугой. Кромвель Дин был просто невероятно груб, но тут уж ничего не поделаешь. Я видела, как он, шатаясь, брел по пляжу с бутылкой «Джек Дэниелс» в руке. Видела его в том битком набитом клубе. Видела, как народ двигался под его музыку, точно околдованный. И чувствовала при этом лишь...

Разочарование.

Кромвель Дин. Мир знал его как диджея, но мне удалось увидеть в нем кое-что еще. Я знала его как гения классической музыки. Кромвель Дин и не догадывался, что я давно за ним наблюдаю. Я видела, как он еще ребенком создал та-

кую великолепную симфонию, что вдохновил меня – мне хотелось совершенствоваться как музыканту. Я видела любительскую видеосъемку, запечатлевшую простого английского мальчика, наделенного талантом Моцарта.

На одном из частных уроков фортепиано моя учительница показала мне видеозапись с ним, чтобы продемонстрировать, на что может быть способен ребенок моего возраста, показать, что в мире есть и другие люди, так же, как и я, пропитанные любовью к музыке. Кромвель Дин стал моим лучшим другом, хоть и не подозревал о моем существовании. Он был моей надеждой, надеждой на то, что за пределами нашего городка есть люди, в сердцах которых, как и в моем сердце, живет любовь к музыке. Не только я одна грежу нотами, мелодиями и концертами.

Кромвель выиграл главный приз BBC в соревновании юных композиторов, когда ему было шестнадцать. Музыку его сочинения исполнял симфонический оркестр в последний вечер конкурса. Я смотрела тот показ глубокой ночью со своего ноутбука, и по моему лицу текли слезы при виде взволнованного лица Кромвеля – камера показывала его крупным планом, он не отрывал взгляда от оркестра. Тогда парень показался мне таким же прекрасным, как и его симфония.

А потом, спустя всего пару месяцев, он исчез. Больше не писал музыку, и она умерла вместе с его именем.

Но все то время, пока Кромвель отсутствовал, я его не

забывала, поэтому, когда он вновь стал заниматься музыкой, восторгу моему не было предела.

До тех пор, пока я не услышала его выступление в клубе.

Вообще-то, я ничего не имею против танцевальной электронной музыки. Но когда я слышала, как человек, долгие годы остававшийся моим кумиром, запускает искусственные миксы, вместо того чтобы работать с настоящими инструментами, мое сердце чуть не разорвалось от боли.

Поэтому до отъезда из Англии я пошла послушать его – ничего не смогла с собой поделаться. Я затерялась в толпе и закрыла глаза, но ничего не почувствовала. Открыв глаза, я стала смотреть на него, чувствуя лишь симпатию к мальчику, который однажды на моих глазах дирижировал оркестром, который исполнял написанную им потрясающую музыку. Его руки метались, как птицы, палочка буквально порхала, и было видно, что он полностью поглощен пением струн и плачем духовых инструментов. Та музыка лилась из глубины его души, словно отпечаток его сердца, которое он дарил слушателям. Аудитории посчастливилось слышать то выступление вживую.

Когда он стоял на сцене в том клубе, его взгляд был безжизненным. Он не вложил свое сердце в те ритмы, не говоря уже о душе. Пусть даже в Европе его популярность как диджея взлетела до небес, но то, чем он занимался, не было его страстью и целью.

Меня не одурачить.

Тот Кромвель Дин, за которым я наблюдала, пока он был ребенком, умер, потому что исчез тот внутренний стержень, который побуждал его создавать музыку, способную изменять жизни людей.

– Бонни?

Я моргнула и обнаружила, что стою возле двери своей комнаты и таращусь на ее деревянную поверхность. Обернувшись, я увидела Кейси – та входила в свою комнату, она жила по соседству.

– Привет, – пробормотала я и потерла лоб.

– Все в порядке? Ты уже несколько минут стоишь вот так и держишься за дверную ручку.

Я засмеялась и покачала головой.

– Слишком глубоко задумалась.

Кейси улыбнулась:

– Как там Истон?

Я подняла глаза к потолку:

– Пьян в стельку, но, слава богу, мирно спит в своей кровати.

Кейси подошла ближе.

– Подвезла Кромвеля до дома?

– Ага.

– И какой он? Вы с ним говорили?

– Немного.

Я вздохнула, пытаюсь побороть внезапно навалившуюся усталость. Спать хотелось страшно.

– И?

Я посмотрела на Кейси и покачала головой:

– Честно говоря, он тот еще козел. Грубый и наглый.

– Но горячий парень.

Кейси покраснела.

– Мне кажется, он не тот человек, с которым стоит встречаться, Кейси.

Я вспомнила девушку, с которой Кромвель улизнул за сцену в том клубе прямо в разгар выступления. И его пошлые слова на пляже: «Мне сегодня уже отсосали».

Не сказать, чтобы мы с Кейси дружили, она просто жила в соседней комнате. И все же она казалась мне милой и славной. Я несколько не сомневалась, что после того как Кромвель Дин получит от нее то, чего хочет, он прожует ее и выплюнет – во всяком случае, парень производил именно такое впечатление.

– Ага, – ответила Кейси. Я видела, что она соглашается исключительно из вежливости, а на самом деле пропускает мое предупреждение мимо ушей. – Пойду-ка я спать. – Она склонила голову к плечу. – И тебе тоже стоит лечь, солнце. Вид у тебя помятый.

– Спокойной ночи, Кейси. Увидимся завтра.

Я вошла в комнату, благо жила одна и не рисковала разбудить соседку, уронила сумочку на пол, надела пижаму, забралась в постель и попыталась уснуть. Я устала, все тело болело, но голова никак не желала отключаться.

Мысли снова и снова возвращались к Кромвелю. И, что еще хуже, я знала, что увижу его в понедельник. Нам придется ходить на одни и те же занятия. Я училась на музыкальном отделении, потому что никогда не видела для себя иного пути. Знала, что и Кромвель поступил на это отделение, Истон мне рассказал.

Я закрыла глаза, и перед моим мысленным взором немедленно появился Кромвель, развалившийся на пассажирском сиденье моей машины с бутылкой виски в руке. Кромвель с сигаретой после того, как я попросила его этого не делать. Татуировки и пирсинг.

– Кромвель Дин, что же с тобой случилось? – прошептала я в темноту.

В конце концов я потянулась к телефону, включила то самое видео, так прочно засевшее в моем сердце, и нажала на кнопку «проиграть». Вступили струнные, затем духовые подхватили мелодию, а я закрыла глаза, и мной наконец овладел сон.

Интересно, сможет ли подобная музыка когда-нибудь вновь найти путь к сердцу Кромвеля Дина?

– Сестренка?

Я повернулась на стуле и увидела, что в комнату входит Истон.

– Ну, привет, – откликнулась я. Истон рухнул на мою кровать, погладил лежавшую на ней гитару и переложил инстру-

мент на пол.

– Извини за прошлую ночь, – сказал он и заглянул мне в глаза. – Кромвель впервые выбрался на вечеринку, и в Амбаре царил полный дурдом. Меня засосала атмосфера всеобщего безумия. – Он пожал плечами. – Ты же меня знаешь.

– Ага, я тебя знаю. – Я подошла к маленькому холодильнику в углу комнаты, достала банку газировки и протянула брату.

– О, сахар. Спасибо, Бонни. Только ты умеешь меня подбодрить.

– Ты же знаешь, я вообще не пью эту отраву и держу ее здесь исключительно ради того, чтобы скрасить тебе похмелье.

Брат подмигнул мне:

– Кромвель сказал, ты привезла нас домой. – Я кивнула. – Что ты о нем думаешь?

Я заставила Истона убрать ноги с кровати и села рядом.

– Что я о нем думаю?

– Ага. – Истон прикончил газировку, встал, взял себе еще банку и снова сел. – Понимаю, он может показаться грубоватым, но мне этот парень нравится. Не похоже, что у него много друзей.

– Он только что приехал сюда.

– Я имею в виду вообще, в Англии. Ему никто не звонит. Я увидел пару смс, но Кромвель сказал, что они от мамы.

– Тогда ему не стоит быть таким грубым, не находишь?

– Он тебе грубил?

– Он был пьян, – ответила я. О том, что при нашей последней встрече Кромвель вел себя просто беспардонно, я умолчала.

Истон кивнул.

– Жаль, тебя там не было, Бонни. У этого парня просто бешеный талант. Кажется, он уходит глубоко в себя и играет от всей души. Вот черт, он же будет в твоём классе, да? Присматривай за ним.

– У меня сложилось впечатление, что ему не требуется опека.

– И все-таки. – Истон соскочил с кровати и протянул мне руку: – Идем. Мама с папой, наверное, уже в закусочной.

Я взяла его за руку и встала. Брат внимательно посмотрел на меня:

– С тобой все в порядке? Выглядишь усталой. Этим летом ты сидела дома больше обычного.

Я закатила глаза:

– Истон, я действительно устала. Мне пришлось ехать за тобой посреди ночи. – Я ощутила, как жар приливает к щекам из-за того, что приходится оправдываться. – В понедельник я хочу произвести впечатление на Льюиса, ясно? Не каждый день выпадает удача поучиться у такого талантливого преподавателя.

Истон приобнял меня за плечи:

– Ну ты и заучка.

Я оттолкнула брата и швырнула в него пачку мятных леденцов.

– Съешь парочку, прежде чем мы отправимся на встречу с мамой и папой. От тебя несет, как от винной бочки.

Истон поймал леденцы и открыл передо мной дверь.

В понедельник начнутся занятия. Уверена, Кромвель Дин даже смотреть не будет в мою сторону. Истон ошибается: за этим парнем не нужно присматривать.

Я нисколько не сомневалась, что даже попытаюсь я наладить с ним отношения, Кромвель будет вести себя как законченный моральный урод.

Глава 5

Бонни

Класс гудел точно потревоженный пчелиный улей. В прошлом году такой бешеной энергией и не пахло. Группа у нас маленькая, но всеобщая взбудораженность ощущалась отчетливо – так бывает, когда стоишь на трибуне переполненного стадиона.

Мой друг Брайс наклонился ко мне.

– Странно, да? Столько шуму из-за какого-то профессора.

Вот только к нам пожаловал не «какой-то профессор»: Льюис был известнейшим композитором. Он объездил весь мир, выступал в концертных залах и театрах, и человек вроде меня мог лишь мечтать о подобной встрече. Все знали, что у него проблемы с наркотиками и алкоголем – именно из-за них он прервал работу всей своей жизни и вернулся в Джефферсон, свой родной город. В интервью для школьной газеты он сказал, что испытывал необходимость единения с корнями, в знакомой с детства обстановке. Сказал, что хочет помогать своим землякам, преподавая в университете.

Какая потеря для мировой музыки, но какое приобретение для нас!

Я покачала ручкой над тетрадью. Открылась дверь, и в аудиторию вошел человек, которого я бесчисленное количе-

ство раз видела по телевизору. Студенты притихли, наблюдая, как он шагает к столу. Он оказался молодым – на экране телевизора он выглядел старше. У него были темные волосы и добрая улыбка.

Едва мужчина открыл рот, как дверь распахнулась, и в аудиторию вошел высокий парень, с ног до головы покрытый татуировками.

Кромвель.

Прибытие профессора Льюиса сопровождалось благоговейной тишиной, но приход Кромвеля Дина вызвал волну перешептываний, пятнадцать пар глаз с любопытством уставились на него.

Знаменитый диджей неторопливо поднялся по ступенькам и сел на один из последних рядов. В отличие от всех остальных я не стала оборачиваться, чтобы на него поглазеть, а смотрела на озабоченно нахмурившегося профессора Льюиса.

Преподаватель откашлялся.

– Мистер Дин, рад, что вы к нам присоединились.

На этот раз я повернула голову и бросила взгляд на Кромвеля: мне стало интересно, не выкажет ли он хоть каплю раскаяния. Юноша развалился на сиденье и смотрел на Льюиса с выражением полного безразличия. Он показался мне живым воплощением наглости с этим своим пирсингом в языке. С пояса его черных джинсов свисала цепь, короткие рукава простой белой футболки плотно облегли мускулистые

предплечья. Татуировки обвивали руки подобно виноградным лозам.

Наверное, кто-то посчитал бы эти татуировки произведением искусства, но мне казалось, что они душат Кромвеля.

Волосы юноши пребывали в полном беспорядке, растрепанная челка ниспадала на лоб. В ушах сверкали серебряные сережки, еще одно кольцо он носил в левой ноздре.

Я уже хотела отвернуться, как вдруг наши взгляды встретились. Глаза у него были очень странного цвета – не небесно-синие, нет, скорее они напоминали об опасных морских глубинах, в которых так легко сгинуть. Кромвель тяжело вздохнул. Уверена, это мое присутствие так его напрягало. Я ведь не сказала ему, что тоже учусь на музыкальном отделении.

– Мистер Дин? Мы можем начать? – спросил Льюис.

Кромвель кивнул:

– Я вам не препятствую.

У меня округлились глаза. По сравнению с южно-каролинским произношением Льюиса, английский акцент Кромвеля резал слух. Можно подумать, он нарочно так говорил, чтобышний раз выделиться, как будто не достаточно его татуировок и мрачного выражения лица. Я надела свитер, который перед началом занятия повесила на спинку стула. В аудитории вдруг стало очень холодно.

– Давайте не будем ходить вокруг да около, – сказал Льюис и осмотрел класс. – Я составил обширную программу и

жду от вас полной отдачи и усердной работы. – Он подошел к своему столу, присел на столешницу и продолжил: – Вы все уже должны были ознакомиться с программой курса и знаете, что больше всего времени отводится на создание музыкальной композиции. Над этим проектом следует работать в паре. – Он улыбнулся, глаза его горели радостным предвкушением. Мне показалось, что он быстро взглянул на Кромвеля, но, возможно, у меня просто разыгралось воображение.

– Я уже разбил вас на пары. – Он потянулся к лежащей на столе папке и извлек из нее лист бумаги. – В конце занятия вы увидите, с кем вам предстоит работать. И, прежде чем вы спросите, отвечаю: нет, состав пар изменить нельзя. И, да, вам вдвоем с напарником придется либо выполнить задание, либо провалить его. Никто ведь не хочет испортить себе аттестат.

Он обошел стол, щелкнул выключателем проектора, и помощник преподавателя погасил свет.

– Каждый из вас получит возможность заниматься со мной лично пятнадцать часов в семестр. – Он обернулся через плечо и сурово взглянул на нас. – Не пропускайте эти занятия.

Я покосилась на Брайса, чувствуя, как кровь начинает быстрее бежать по венам.

– Персональные занятия, – восторженно прошептала я, и Брайс в ответ широко улыбнулся.

– Раз в две недели у нас будут семинары, на которых мы

будем обсуждать ваши музыкальные композиции, как индивидуальные, так и те, что вы создадите, работая в паре, потому что эти занятия полностью посвящены созданию музыки.

Льюис улыбнулся и на миг сбросил маску строгого преподавателя.

– В этой комнате я намереваюсь сделать из вас настоящих маэстро, и все вы познакомитесь с моими личными демонами.

Я затаила дыхание. Все знали о его проблемах, но я не думала, что он заговорит об этом в классе.

– Я изо всех сил пытался подарить свою музыку миру, но оказалось, что мое предназначение не в этом.

Он снова улыбнулся, и его лицо стало на удивление умиротворенным.

– Я обрел счастье, помогая другим реализовать их таланты. Похоже, у меня на роду написано учить, помогать другим находить свое предназначение в этом мире, свое страстное увлечение.

В комнате повисла тишина. Я моргнула, вдруг осознав, что мое сердце переполнено, а на глаза навернулись слезы.

– В конце года мы устроим презентацию, в ходе которой исполнят ваши произведения. – Льюис встал и опустил руки в карманы брюк. – Я должен научить других тому, чему сам не смог научиться, будучи композитором: обмениваться идеями и побуждать друг друга совершенствовать свое искусство. – Он указал на класс. – Все вы здесь, потому что та-

лантливый. Но у меня для вас новости: миллионы людей обладают талантом. Этот проект поможет вам учиться друг у друга и оттачивать свое мастерство. Эта работа интригует меня больше всего.

Профессор Льюис повернулся к экрану и продолжил перечислять требования к студентам этого курса. Закончив, он сказал:

– Все свободны. Полагаю, вам хочется узнать, кто будет вашим партнером, а также выпить кофе и размять ноги. Используйте время с пользой, постарайтесь лучше узнать своего партнера. – Он усмехнулся. – Ведь весь этот год вы будете проводить вместе довольно много времени.

Одни студенты сгруппировались перед листком бумаги, который помощник преподавателя разместил на стене, другие поспешили представиться Льюису. Брайс нашел в списке свое имя и подошел к Томми Уайдеру. Я нахмурилась: обычно мы с Брайсом работали вместе. Проходя мимо меня, он покачал головой.

– На этот раз команда мечты не сложилась, Бонни.

Мне стало грустно. По глазам было видно, что Брайс тоже огорчен. С ним я чувствовала себя комфортно: талантом он не блистал, зато был милым. Я знала, что нравлюсь ему, что это не просто дружеская привязанность и что у нас с ним никогда ничего не получится. И все же рядом с ним мне было спокойно, потому что парень не задавал много личных вопросов.

Я дождалась, пока толпа разойдется. Некоторые студенты странно поглядывали на меня, покидая аудиторию. Интересно, почему? Прочитав список, я все поняла.

Я чуть не ахнула от неожиданности, увидев рядом со своим именем имя Кромвеля Дина.

Обернувшись, я обнаружила, что в классе остался только профессор Льюис.

– Бонни Фаррадей, я полагаю?

Он держал в руках анкету с моей фотографией.

– Да, сэр. – Я закусила губу. – Знаю, вы сказали, что состав пар для работы над проектом не обсуждается...

– Сказал. И это не обсуждается.

Мое сердце замерло.

– Хорошо.

Я повернулась, намереваясь уйти.

– Вы лучшая в группе, Бонни, – сказал Льюис. – Кромвель новенький в колледже. – Он присел на край стола рядом со мной. Сейчас, когда он был так близко, я заметила в его темных волосах проблески седины. Я предположила, что ему немного за сорок. – В Великобритании он был одним из лучших учеников в школе. Он очень умный и талантливый. Но освоиться в новом колледже всегда нелегко, даже если новенький этого не показывает. – Он скрестил руки на груди. – В учебной части посоветовали поставить вас к нему в пару.

– Да, сэр, – повторила я. Впервые в жизни я злилась на то,

что преподаватели считают меня надежной и добросовестной.

Перед тем как покинуть класс, я сказала:

– Добро пожаловать обратно в Джефферсон, профессор. Здесь вы для многих пример и источник вдохновения.

Он улыбнулся и снова вернулся к работе.

Я вышла и начала настороженно озираться, высматривая Кромвеля, но его нигде не было, и я вздохнула. Очевидно, знаменитый диджей сбежал, даже не удосужившись заглянуть в список. Держу пари, он не знает, что его партнером буду я.

Чувствуя себя совершенно обессиленной, я прислонилась к стене. Впереди у меня было две свободные пары, и я твердо намерена отыскать этого типа.

Я не дам этому грубияну загубить мою учебу. Раз придется с ним работать, ничего не поделаешь, придется. Вот только я всерьез опасалась, что из этого сотрудничества не выйдет ничего хорошего.

Абсолютно ничего.

Глава 6

Кромвель

Я подошел к столу и включил ноутбук. Истон был на занятиях, так что я плюхнулся на стул, включил свои микшерные пульта, надел наушники и запустил на полную громкость микс, который начал составлять пару дней назад.

Закрыв глаза и всем телом впитывал ритм ударных. Перед глазами мелькали розовые и зеленые вспышки. Протянув руку, я, не глядя, коснулся пульта, ускорил темп, и мое сердце забилося чаще, в такт барабанам. Передо мной танцевали треугольники и квадраты, образуя причудливые узоры. А потом...

Наушники сдернули у меня с головы. Я резко выпрямился и подпрыгнул от неожиданности. Передо мной стояла Бонни Фаррадей с наушниками в руках. Меня немедленно окатила волна ледящей души ярости, однако когда я посмотрел на девушку, негатив улетучился. Это меня удивило. В последнее время только злость меня и подпитывала, я не мог понять, почему вдруг успокоился.

Мне не нравилось чувствовать смущение.

Я протянул руку.

– А ну, верни.

Бонни медленно прижала наушники к груди. Я зажмурил-

ся, пытаюсь взять себя в руки. Когда я снова открыл глаза, Бонни стояла передо мной, скрестив руки на груди.

На ней были обтягивающие джинсы и белая футболка. На плечи она накинула свитер, как те богатенькие ребята, что важно расхаживают по улицам Челси летом. Каштановые волосы снова собраны в длинный хвост. Взглянув ей в лицо, я обнаружил, что девушка встревоженно хмурит брови.

– Что ты здесь забыла? – поинтересовался я и не глядя потянулся выключить микс, который теперь грохотал из динамиков. Я его еще не закончил. До сих пор еще никому не удавалось услышать мои незаконченные миксы. Прямо сейчас я работал над новой композицией, которую собирался выложить в Интернет, а малышка Бонни Фаррадей нарушила мои планы.

– Ты хотя бы видел список пар, которые составил профессор?

Я нахмурился:

– Какой еще список?

Карие глаза Бонни гневно блеснули.

– Тот самый, о котором Лююис распинался большую часть занятия.

Она шагнула ко мне и с размаху припечатала наушники к моей груди. Я автоматически подхватил их и сосредоточил взгляд на девушке. Росту в ней было метр шестьдесят от силы. С высоты моих метра восьмидесяти восьми она казалась крохотной. Истон, к примеру, был ниже меня на пару-трой-

ку сантиметров. Очевидно, он забрал себе все самое лучшее, пока они с сестрой находились в материнской утробе.

– Так вот, суперзвезда, мы с тобой партнеры на занятиях по музыкальной композиции на весь следующий год.

Я уставился на нее как баран на новые ворота. В ее карих глазах запросто можно было утонуть, и я явственно ощутил, как судьба смеется надо мной. Похоже, мне не сбежать от этой девушки.

– Ну конечно, – вздохнул я и снова повернулся к компьютеру. Однако не успел я нажать кнопку, чтобы вывести экран из спящего режима, как Бонни захлопнула крышку ноутбука и прижала ее ладонью.

Не поднимая взгляд, я процедил сквозь зубы:

– Бонни. Говорю один раз, повторять не стану: руки прочь от моего ноутбука. И уходи. Я работаю.

Девушка не двинулась с места и не убрала руку.

– Не порти мне жизнь, – потребовала она спокойно. На ее лице не дрогнул ни один мускул, но ее слова с этим деревенским, тягучим акцентом выдали ее. В голосе я уловил дрожь, и от этого у меня неприятно кольнуло в груди.

Отбросив это чувство, я приподнял брови и спросил мерзким тоном:

– И как именно я порчу тебе жизнь, Фаррадей?

Я знал, что говорю снисходительно, но эта девушка начала меня бесить.

У Бонни дрогнула щека, но она по-прежнему не убирала

руку с ноутбука.

– Я вкалывала как проклятая, чтобы поступить сюда, и не позволю легкомысленному типу вроде тебя все испортить.

Мне показалось, что она в отчаянии. И все же у меня в душе разгорелся огонь.

– Ты ничего обо мне не знаешь.

– Не знаю, – парировала она. – И не хочу знать. Мне плевать, нравлюсь я тебе или нет, но так уж сложилось, что мы будем выполнять эту работу вместе. – Она сглотнула, потом ее голос смягчился. – Для меня учиться у такого специалиста, как Льюис, – это предел мечтаний. – Она медленно убрала руку с ноутбука, а я уставился на то место, где только что находились ее пальцы. – Не отнимай у меня эту возможность. – Теперь в ее голосе звенела мольба.

Не знаю почему, но у меня в животе снова проснулась та колкая боль, что так часто мучила меня. Бонни запустила руку в сумку и вытащила листок бумаги.

– Помощник преподавателя раздал нам это, когда занятие закончилось, но ты ушел раньше и не забрал свою копию.

Она положила листок на мой стол, но я даже не взглянул на него.

Бонни разочарованно вздохнула:

– Там написано, что мы должны представить примерный план своего проекта на пятничном семинаре. – Она заправила за ухо прядь волос. – Меня не будет здесь несколько дней, так что нам нужно обсудить это сейчас.

При мысли о том, чтобы работать вместе с Бонни, мной завладели смешанные чувства. Мне не хотелось ничего чувствовать и вполне устраивало оцепенение. Но Бонни Фаррадей каким-то чудом удалось вдохнуть жизнь в мою мертвую душу.

– Я занят.

Я развернулся, надел наушники и включил звук, но уже в следующую секунду крышку моего ноутбука снова захлопнули, на этот раз довольно сильно. Мне пришлось сосчитать до десяти... Очень, очень медленно.

Злоба, с которой я жил изо дня в день, опять просыпалась.

Я стянул наушники с головы и повесил на шею. Повернулся. Бонни по-прежнему стояла передо мной и только что не дымилась от гнева.

Она закрыла глаза, ее плечи поникли.

– Прощу тебя, Кромвель. Знаю, ты сердишься из-за того, что я сказала тебе тогда, в Брайтоне, я это понимаю по твоему раздраженному тону. Но нам нужно составить этот план.

При одном лишь упоминании о том случае на пляже кровь закипела у меня в жилах.

– Я на тебя не сержусь. Я вообще ничего к тебе не испытываю, – холодно заявил я. Мне не хотелось, чтобы она думала, будто ее слова имеют для меня какое-то значение, не хотелось показать, как сильно она меня задела.

– Да. Ну, тогда...

Она принялась потирать руки друг о друга, словно я ее

ударил, и я стиснул зубы. То раздражающее колкое чувство в животе вернулось. Девушка шагнула было к двери, потом замерла как вкопанная, резко повернулась и посмотрела на меня, вздернув подбородок.

– Пойдем со мной, выпьем кофе. Это не займет много времени. Я набросаю план, тебе и делать-то ничего не придется, будешь просто подавать идеи. Нам всего лишь нужно решить, что мы будем делать.

Я шумно выдохнул. Хотелось лишь одного: чтобы меня оставили в покое.

– Пожалуйста, пойдем. А потом можешь снова вернуться к своим барабанам.

Мне страшно не хотелось никуда идти, но, странное дело, я обнаружил, что поднимаюсь с места.

– У тебя один час.

Когда я шел к двери вслед за Бонни, ее плечи расслабленно опустились. Я запер дверь комнаты на ключ и, повернувшись, понял, что она догадалась, о чем я думаю.

– Истон дал мне ключ. Обычно именно я забираю его и подвожу домой после вечеринок, так что ключ мне необходим. – Она опустила глаза. – Я больше не буду использовать его без разрешения.

Что-то шевельнулось в моей душе после ее взгляда, но я привычно подавил ненужное чувство.

Бонни повела меня через двор; она шла не рядом, а чуть впереди, и меня это полностью устраивало. Несколько деву-

шек мне улыбнулись, и я решил, что на этой неделе у меня непременно будет секс. Похоже, здесь мне не составит труда подцепить какую-нибудь цыпочку. Я и так слишком долго воздерживался, так что теперь заводился с полоборота. Вот только меня отвлекли.

В основном меня всегда отвлекала Бонни.

Она остановилась возле своего автомобиля.

– Раз у меня всего час, поедem на машине, так быстрее.

Когда Бонни выезжала с территории кампуса, студенты провожали нас заинтересованными взглядами.

– Начиная с сегодняшнего вечера мы официально встречаемся. Это так, к сведению, – сообщила она.

Я резко повернул голову и уставился на Бонни, прищурив глаза.

– Это ты о чем?

Она указала на студентов.

– Минусы жизни в маленьком городке. Сплетни распространяются со скоростью света.

Я откинулся на спинку сиденья и стал смотреть на здания главной улицы.

– Отлично. Это очень мне поможет, если я захочу с кем-то перепихнуться.

Бонни безрадостно рассмеялась:

– Не унывай. Ты для них как новая, блестящая игрушка. Если девушки будут думать, что у тебя уже есть подружка, это делает тебя еще привлекательнее в их глазах.

– Какое облегчение.

Бонни припарковалась перед кофейней «Джефферсон», вылезла из машины и забросила на плечо рюкзак, набитый тетрадками и бог знает чем еще. У меня в кошельке лежало десять долларов, а помимо кошелька в моих карманах ничего не было – разве что я засунул в них руки.

Я путешествовал налегке.

В этом заведении я еще не бывал, но оно ничем не отличалось от всех прочих кафешек в стиле хиппи, где мне случалось бывать: красные стены, в глубине зала притулилась маленькая сцена.

– Привет, Бонни! – воскликнуло сразу несколько голосов. Девушка провела меня к столику в конце зала, попутно улыбаясь знакомым, но когда мы сели, милая улыбка исчезла с ее лица.

Я стиснул кулак: эта перемена мне не понравилась, и меня страшно злил тот факт, что я вообще обращаю внимание на такую ерунду.

К нашему столику подошел какой-то парень.

– Как обычно, Бонни?

– Ага. Спасибо, Сэм.

– Ты сегодня без Брайса? Раньше я тебя без него не видел в дни занятий.

– У меня новый партнер.

Она сказала это таким тоном, будто сообщала о чьей-то внезапной кончине.

Парень поглядел на меня и кивнул так, будто понял причину разочарования Бонни. Козел.

— Мне самый большой кофе, какой у вас есть, — сказал я. — Черный.

Бонни открыла тетрадь.

— Итак. Думаю, нам следует начать с того, что мы можем сыграть. Это поможет понять свои сильные стороны.

— Я занимаюсь только электронной музыкой, так что у меня есть мой ноутбук. Драм-машина и все такое.

Бонни посмотрела на меня с каменным лицом.

— Мы не можем сочинить музыкальное произведение с помощью твоего компьютера и искусственно синтезированных ритмов.

Я закинул руки на спинку сиденья.

— Ничего другого предложить не могу. Я работаю с электроникой, и Льюис об этом знает. Он сам предложил мне тут учиться, сам меня выследил. Думаешь, я по собственной воле выбрал бы эту вонючую дыру?

— А больше ты ни на чем не играешь? Как насчет настоящих музыкальных инструментов?

Был в ее вопросе какой-то подтекст, словно она что-то обо мне разузнала, то, что я предпочел бы скрыть. Это напрягло.

Покачив головой, я потянулся и заложил руки за голову. Хотелось сказать, что создание электронной музыки сравнимо с игрой на музыкальном инструменте, но я даже рта не

раскрыл.

– Я играю на пианино и гитаре. Еще на скрипке, но совсем чуть-чуть, получается не очень. – Она хитро смотрела на меня, будто изучала. Проверяла. – Но ты же умеешь читать ноты и писать музыку, да?

Я кивнул и поблагодарил Господа Бога, когда принесли кофе: Бонни наконец заткнулась. Я махнул свой кофе залпом, как газировку. Сэм поглядел, как я пью, и пробормотал, что принесет еще.

– Льюис хочет, чтобы мы, по крайней мере, придумали какую-то тему. О чем будет музыкальное произведение, что мы пытаемся сказать. – Девушка склонила голову. – Есть идеи?

– Не-а.

– Я подумала, может, что-то вроде времен года? Что-то связанное с природой? Тема: время летит, а мы, люди, не в силах остановить его бег.

Я закатил глаза.

– Да это будет просто бомба. Я прямо-таки слышу, как сквозь ударные ритмы, льющиеся из моего ноутбука, пробивается пение птиц.

Я опять вел себя как полный моральный урод, в смысле, еще хуже, чем обычно. Рядом с Бонни я не мог сдержаться.

Она устало потерла глаза.

– Кромвель. Нам нужно принять решение, окей? Обязательно делать это с радостью, но мы же можем работать вместе. Так поступают и поступали многие музыканты, и они

создавали хорошую музыку. – Она отхлебнула кофе. – Мне нравится идея смены времен года, это позволит нам задействовать больше инструментов и темпов.

– Ладно, – фыркнул я.

Тут вернулся Сэм и снова наполнил мою кружку.

Бонни откинулась на спинку и сделала еще глоток, глядя на меня поверх кружки.

– Любуешься? – Я насмешливо ухмыльнулся.

Она пропустила издевку мимо ушей.

– Льюис сказал, в Лондоне ты был первым в классе.

Я замер, чувствуя, как напряглось все тело.

– Хорошо бы кто-то посоветовал Льюису попридержаться свой гребаный язык.

– Можешь сам это сделать, если так хочется. – Она подперла рукой подбородок. – Слушай, а как ты сюда приехал? У тебя есть виза?

– Двойное гражданство. Я родился здесь, в Чарльстоне.

– Так ты американец? – потрясенно спросила она. – Не знала.

– Нет, я британец.

Девушка разочарованно фыркнула.

– Ты же понял, о чем я. Ты здесь родился?

– И меня увезли в Англию в возрасте семи недель. С тех пор я сюда не возвращался. Так что я такой же американец, как старушка Лиз.

– Кто?

– Королева.

Бонни даже не улыбнулась.

– Выходит, твои родители – уроженцы Южной Каролины?

– Только мама.

– А папа?

– Может, хватит расспросов? – рявкнул я. Мне совершенно не хотелось обсуждать свою семью. Я указал на лежавшую перед Бонни открытую тетрадь. – Времена года. Много инструментов, смена темпов. Вероятно, из всего этого получится то еще дерьмо, но ничего другого у нас нет. Мы закончили.

Бонни отшатнулась, ее рот приоткрылся, глаза округлились. При виде ее побледневшего лица меня кольнуло чувство вины, но я привычно подавил эмоции. В последнее время я в этом преуспел.

– Ладно, как хочешь, Кромвель, – сказала она. Похоже, взяла себя в руки. – Дальше я справлюсь сама.

Я встал и бросил на стол свои десять долларов. Мой стул жалобно скрипнул от резкого движения, и вся кофейня уставилась на нас. Не дожидаясь, пока Бонни предложит отвезти меня домой, я поспешил уйти.

Переулок вывел меня прямо к парку, за которым находилась территория университета. Меня трясло. Вытащив из кармана сигареты, я закурил, не обращая внимания на осуждающие взгляды проходивших мимо мамаш с детьми. Когда я вышел на большую лужайку, то успел выкурить уже три

сигареты. Я сел под деревом, прислонился спиной к стволу и стал наблюдать за парнем, который занимался чем-то вроде тайцзи.

Он неплохо смотрелся бы на открытке.

Я поглядел на солнце. Ветра не было, в ветвях у меня над головой чирикали птицы, и я невольно рассмеялся иронии судьбы.

Птицы.

– Времена года, – пробормотал я.

Что за дерьмо.

И все же пока я сидел там, пытаюсь выбросить из головы идею о быстротечности времени и прочей хрени, мое воображение добавило к окружающему меня пасторальному пейзажу быстрое, звонкое пение флейты. Я точно наяву увидел, как на лужайке стоит одинокий скрипач и начинает играть основную мелодию.

Весна.

Желтый цвет. Все оттенки желтого.

Я открыл глаза и так сильно сжал кулаки, что заныли пальцы. Резко повернувшись, я с размаху всадил кулак в древесный ствол, медленно отвел руку и стал смотреть, как по ладони стекает кровь, – твердая кора рассекла кожу на костяшках.

Я подскочил как ужаленный и зашагал обратно в общежитие, оставляя за собой след из кровавых капель. Мне срочно требовались зажигательные электронные ритмы.

Мне нужно было забыть.

Сорвав с шеи наушники, висевшие там все это время, я нахлобучил их на голову и врубил музыку на полную громкость, чтобы в голове не осталось ярких цветов, мыслей и образов.

Звучал новый плей-лист, и я растворился в тяжелых звуках гаражного рока и грайма. Эту музыку создал не я, она мне даже не нравилась – просто нужно было забыть о Льюисе, своих родителях и Бонни Фаррадей с ее вопросами.

Когда я вошел в комнату, Истон лежал на своей кровати. Я снял наушники. Парень встал, тихо присвистнул и покачал головой.

– Как ты умудрился так довести мою сестру, старик?

– Пустил в ход свое очарование. – Я открыл ноутбук и продолжил было колдовать над миксами, от которых меня отвлекла Бонни, но перед глазами так и стояло ее огорченное лицо, и мои пальцы замерли над клавиатурой.

Истон улегся на мою кровать и стал подбрасывать и ловить мяч для американского футбола.

– Ага. Ну, если ты планировал довести ее до белого каления, у тебя получилось. – Он перестал играть с мячом. – Стало быть, вам придется работать вместе?

– Похоже на то.

Я добавил тихое звучание скрипки к ритму, над которым бился. Скрипка. Звук идеально вписывался в общую канву. До сих пор я еще ни разу не открывал файл с записями на-

стоящих музыкальных инструментов и уж тем более не добавлял их к своим миксам.

Я глубоко вздохнул.

До сего момента.

Собственный поступок так меня поразил, что я совершенно забыл про Истона и вздрогнул от неожиданности, когда тот сказал:

– Знаю, Бонни порой бывает надоедлива, но будь с ней помягче, ладно? – Он сказал это довольно требовательным тоном. – Не уверен, что она выдержит твои вспышки безумия. – Он пожал плечами. – Девушка выросла в маленьком городке и все такое.

Истон рывком спустил ноги с кровати.

– Сегодня вечером мы идем в бар, и на этот раз ты не отворачивайся, синдром смены часовых поясов у тебя уже прошел. Хватит тут киснуть, пора выйти в народ. Ты ведешь себя как глубоко асоциальный элемент, и я не могу с этим мириться. Мне нужно поддерживать свою репутацию.

– Если там будут девчонки, то я в деле.

Неужели я только что согласился?

Вот только у меня перед глазами по-прежнему стояло лицо Бонни, и нужно срочно с этим что-то делать. Мне надо с кем-то переспать, наверняка она мне мерещится из-за долгого воздержания.

– Наконец-то! – воскликнул Истон и хлопнул меня по спине. – Вот за это ты мне и нравишься. – Он швырнул мяч че-

рез всю комнату, прямо в корзину на стене. – Только, чур, пойдешь инкогнито. Из тебя получится отличный «второй пилот». – Он с радостным видом потер руки. – Наконец-то я увижу мастера в деле, жду не дождусь, чтобы перенять у тебя все секреты.

– Не уверен, что тебе нужна моя помощь.

Истон сделал вид, что размышляет.

– Ясен перец, не нужна, братан, но вместе мы с тобой выйдем на новый уровень съема цыпочек.

Я прошел к своему шкафу, достал чистую майку и ладонью поправил непокорные волосы.

Сегодня вечером я обязательно перепихнусь, хорошенько напьюсь и забуду об остальном мире.

И все же огромные карие глаза и звуки скрипки еще долго не выходили у меня из головы.

Глава 7

Бонни

– Бонни, Кромвель, мне нужно поговорить с вами после занятия.

Услышав голос Льюиса, я подняла глаза от конспекта и поглядела на Кромвеля, сидевшего в последнем ряду.

После нашей встречи в кофейне он вообще на меня не смотрел; по правде говоря, мне казалось, что он меня избегает. Вот и сейчас он игнорировал меня, сидел, расслабленно откинувшись на спинку стула, и, казалось, пропустил слова преподавателя мимо ушей.

Занятие окончилось, студенты потянулись к выходу, и я собрала свои вещи.

– Как ты? – спросил Брайс, бросая на Кромвеля обвиняющий взгляд.

– В порядке.

Я предполагала, что Льюис хочет поговорить о нашем с Кромвелем совместном проекте. Сдавая план, я знала, что он весьма слаб. Я натянуто улыбнулась Брайсу и обняла его.

– Увидимся позже, ладно? – Брайс опять покосился на Кромвеля. – Со мной все будет хорошо, – повторила я.

– Мистер Маккарти, это приватный разговор, – с улыбкой сказал Льюис.

Брайс кивнул профессору и вышел из класса. Я подошла к преподавательскому столу и села на один из стоявших перед ним стульев. Послышались тяжелые шаги: Кромвель, не торопясь, спускался по лестнице. Наконец он развалился на соседнем стуле, и мне в нос ударил запах его одеколона – глубокий аромат, отдающий какими-то пряностями.

Я впервые оказалась на персональном собеседовании с профессором, наши индивидуальные занятия должны были начаться только на следующей неделе. Льюис взял лист, который я ему недавно сдала, и положил на стол перед нами.

– Мне хотелось бы поговорить с вами двумя о плане вашего музыкального произведения.

Я сглотнула, чувствуя, как в животе сжимается комок нервов.

– Замысел неплох. План хорошо составлен. – Он посмотрел на меня так, словно знал наверняка, что план написала я. – Но в общем и целом не хватает... как бы это лучше сформулировать... чувства.

Я резко втянула в себя воздух, принимая этот удар. На Кромвеля я не смотрела. Именно это я сказала про его музыку тогда, в Брайтоне.

Льюис провел ладонью по лицу и повернулся к Кромвелю – тот смотрел в пол. У меня в душе закипала злость. Кажется, этому типу на все наплевать. Как он вообще попал сюда с таким отношением к музыке и почему учится у Льюиса, было выше моего понимания.

– Самая знаменитая работа Вивальди – это «Времена года», – зачитал профессор цитату из моего плана. – Я хочу, чтобы мои студенты проявили оригинальность, хочу, чтобы вы научились самовыражаться через свои работы. Мне не нужно, чтобы вы повторяли произведения других. – Он подался вперед, и его глаза сверкнули – он был страстно увлечен своим предметом. – Я хочу, чтобы это была ваша работа. Подойдите к делу с душой, переложите на музыку свои тревоги и переживания. – Он вновь откинулся на спинку стула. – Расскажите мне, кто вы, вложите самих себя в это произведение.

– Мы сделаем лучше, – пообещала я. – Правда, Кромвель? Этот гад ничего не ответил, и мне захотелось завывать от разочарования.

Льюис поднялся с места.

– Можете заниматься в этом классе, до завтрашнего дня тут никого не будет. Посмотрим, сможете ли вы придумать что-то другое.

Льюис вышел, и в помещении воцарилась оглушительная тишина. Я закрыла лицо руками и сделала глубокий вдох, но это совершенно не помогло мне успокоиться. Зато когда я подняла глаза на Кромвеля и посмотрела на его безразличную физиономию, мое сердце облилось кровью при мысли о том, что я считала его гениальным музыкантом, каковым он, очевидно, не являлся.

– Неужели тебе действительно все равно? – прошептала я.

Наши взгляды встретились, и его глаза показались мне безжизненными и холодными.

– Абсолютно.

Из-за акцента ответ Кромвеля показался мне насмешливым и снисходительным.

– Тогда зачем ты вообще здесь? – Я встала и машинально прижала руку к груди, потому что сердце ныло от разочарования и боли. – Ты не играешь на музыкальных инструментах, не проявляешь ни малейшего интереса к написанию музыки. Я видела, что на других занятиях ты сидишь с таким же безразличным видом, как и на уроках Льюиса. – Я завелась и потеряла контроль. Не в силах усидеть на месте, я прошлась взад-вперед, потом заставила себя остановиться и уперла руки в бока. – На этой неделе я трижды просила тебя со мной встретиться, и каждый раз ты отказывался, прикрываясь занятостью, хотя мне известно, что ты вместе с моим братом ходишь на вечеринки, напиваешься и уже перепихнулся с половиной студентов.

Кромвель поднял бровь, его губы скривились в некоем подобии улыбки. Большая ошибка. Это стало последней каплей.

– Я слышала твое выступление, Кромвель, не забывай. – Я засмеялась. А что еще мне оставалось? У меня на глазах мои мечты исчезали, точно песок в песочных часах. – Я специально села на поезд до Брайтона, чтобы тебя послушать, а в итоге получила сплошное разочарование. – Я схватила

сумку. — Судя по тому, что я услышала, в тебе нет любви к музыке, нет страсти. Ума не приложу, зачем ты сюда приехал. Не знаю, что видит в тебе Льюис, но его ждет горькое разочарование. — Я посмотрела ему прямо в глаза. — Я в этом уверена.

Выпустив пар, я немного успокоилась и сказала:

— Давай встретимся сегодня в кофейне «Джефферсон». Можно попытаться все исправить, чтобы хотя бы натянуть на зачет. Встречаемся в семь.

Я ушла, не дожидаясь ответа. Никому еще не удавалось настолько вывести меня из себя. Выбежала на улицу, и мне в глаза ударил яркий солнечный свет; небо было ясным, но осень уже вступала в свои права и дул прохладный ветерок. Облокотившись рукой о стену, я немного постояла, переводя дыхание; у меня за спиной раздались веселые голоса, и тогда я наконец отлепилась от стены. Медленно, пытаясь унять отчаянно колотящееся сердце, дошла до общежития, вошла в комнату и рухнула на кровать. Я зажмурилась, но перед глазами все равно стояло насмешливое лицо Кромвеля.

В памяти возникла видеозапись, которую я так часто пересматривала все эти годы. Куда же делся тот мальчик, что с ним случилось, отчего он утратил страсть к музыке? Похоже, тот ребенок, вдохновлявший меня столько лет, умер.

Когда-то он играл с таким рвением, вкладывал всю душу в музыку, а сейчас он словно покрыт толстой ледяной коркой, и его музыка совершенно бессмысленна. Слушая ее, я

ничего не чувствую, потому что она ничего не несет миру.

А моя мечта учиться музыке теперь полностью в руках этого бездушного типа.

– Еще кофе, Бонни?

Я отвела взгляд от окна и посмотрела на застывшего возле моего столика Сэма – тот указывал на почти опустевший кофейник.

– Нет. – Я натянуто улыбнулась. – Думаю, меня продинали... Снова.

– Кромвель?

– Как это ты догадался?

– Просто предположил. – Сэм улыбнулся. – По крайней мере, ты пила кофе без кофеина. Будь он настоящим, ты бы всю ночь глаз не сомкнула.

Я снова улыбнулась, но Сэм явно заметил грусть в моих глазах.

– Сейчас соберу вещи и пойду. Кстати, который час? – Быстро оглядевшись по сторонам, я сообразила, что кофейня закрывается: перевернутые кверху ножками стулья стояли на столах, пол уже был частично вымыт. – Извини, Сэм. Нужно было раньше мне сказать.

– Это не проблема. Мне показалось, ты с головой ушла в работу, не хотел тебя прерывать.

– Спасибо.

– Сейчас половина двенадцатого, кстати говоря, – просто

на случай, если ты не знала.

Я снова натянуто улыбнулась Сэму, потом забросила сумку на плечо, предварительно надев свитер. Мне было холодно, а еще я устала, потому что пришла сюда из общежития пешком – в тот момент мне хотелось подышать свежим воздухом и размяться.

Я зашагала по главной улице, но, проходя мимо «Вуд-Нокса», остановилась. Это был самый посещаемый бар города, а в подвале под ним располагался небольшой клуб, открывавшийся после полуночи. Студенты отрывались либо в Амбаре, либо в «Вуд-Ноксе». Танцы, дешевое пиво и возможность затеряться в толпе, пофлиртовать и найти партнера для секса на одну ночь.

– Пьем, мать вашу!

Я тут же узнала голос брата. Заглянув в окно, я увидела, что Истон стоит на столе и ревет белугой, аж стены трясутся. Неужели снова налился до зеленых чертиков? В голове не укладывается. Кутежи брата всерьез меня беспокоили, в последнее время он слишком много пил.

– Кромвель, тащи сюда свою задницу! – выкрикнул Истон с ужасным английским акцентом. Он обвел толпу мутным взглядом. – Где он?

С моих губ невольно сорвался смешок. Я пошла прочь, не в силах смотреть, как брат будет искать своего «лучшего друга» в толпе. А главное, мне не хотелось видеть лицо Кромвеля. Если я сейчас его увижу, то наверняка не сдержусь и

начну сыпать обвинениями, дескать, я впустую прождала его в кофейне пять часов, сделав всю работу в одиночку, хотя нам полагалось бы делать ее вместе... И тем самым выставлю себя полной дурой.

Я быстрым шагом направилась в общежитие, то и дело переходя на бег. Уже у комнаты я потянулась было к дверной ручке, но в последнюю секунду передумала, повернулась и отправилась на кафедру музыки. Даже до прибытия в колледж Льюиса студентам разрешалось посещать музыкальные классы круглосуточно. Руководство университета понимало, что вдохновение может снизойти на человека в любое время дня и ночи. Большинство творческих людей – совы, во всяком случае, среди моих знакомых таковых большинство.

Шлепнув карточкой по электронному замку, я вошла в коридор и направилась к комнате для репетиций. Уронила на пол сумочку и вдруг услышала звуки пианино.

Остановившись у двери, я закрыла глаза, и мои губы сами собой расплылись в улыбке. Так случалось со мной всегда: стоило мне услышать музыку, как все переворачивалось внутри. Музыка действовала на меня, как теплый ветерок в холодный день, я чувствовала ее каждой клеточкой тела.

Ничто в мире не доставляло мне столько радости, как совершенная игра на музыкальном инструменте, каковую я слышала сейчас. Мне нравились все виды инструментов, но звуки фортепиано неизменно наполняли мою душу особенно сильным восторгом. Возможно, дело было в том, что са-

мой мне никогда не сыграть так же здорово, как играл сейчас невидимый музыкант. Не знаю. Мелодия, вливавшаяся в тот момент в мои уши, полностью захватила мое сердце, мне хотелось слушать ее вечно.

Пианист перестал играть. Я открыла глаза и уже хотела было войти в другую комнату, чтобы тоже поиграть на пианино, как вдруг коридор наполнился звуками скрипки. Я остановилась как вкопанная, едва осмеливаясь дышать. Скрипач играл идеально. Каждое движение смычка было выверенным. Я прислушалась внимательнее, пытаюсь определить, что это за произведение и кто композитор, но не смогла.

В следующую секунду я нутром почувствовала: это было чье-то оригинальное сочинение.

Когда скрипка замолчала и заиграл кларнет, я сообразила, что звуки исходят из самого большого класса, где хранились инструменты, на которых обычно тренировались старшекурсники. Я стояла закрыв глаза и слушала, как тот, кто находился в классе, играет на всех инструментах по очереди.

Не знаю, сколько времени я так стояла, но когда наконец все стихло, у меня заболели уши от этой тишины. Я еще никогда не слышала настолько очаровывающей музыки. От нее захватывало дух, и я судорожно перевела дыхание, мне казалось, все это время я вообще не дышала.

Кто же скрывается за этой закрытой дверью? Стеклопанель в двери была закрыта жалюзи. Пока я пыталась со-

браться с мыслями, вновь зазвучало фортепиано, но в отличие от всех предыдущих мелодий эта оказалась невероятно мрачной, тяжеловесной. В горле у меня встал ком — до чего же печальная мелодия!

Невидимый музыкант все играл, а у меня буквально загорелись глаза. Ноги сами собой понесли меня к той аудитории, рука легла на дверную ручку, но не повернула ее.

Я не сделала этого, потому что дверь была чуть приоткрыта, и в щелочку я видела пианино. Из моих легких будто выкачали весь кислород, я забыла, как нужно дышать: я увидела того, кто сидел за пианино, того, кто порождал все эти потрясающие звуки.

За свою жизнь я видела так много выступлений, и все же ни одно из них не сравнилось бы с тем, что я услышала сегодня. Словно зачарованная я наблюдала, как пальцы пианиста порхают по клавишам, точно птицы над озером. Мой взгляд медленно скользил по татуированным рукам, белой майке, покрытым щетиной щекам и серебряным колечкам пирсинга.

Потом я увидела, что по загорелой щеке пианиста катится одинокая слеза и падает на клавиши. Изливавшаяся из пианино трагическая мелодия так и кричала о боли, страдании и сожалениях.

У меня щемило в груди, пока я слушала историю, которую без слов рассказывала музыка. Я смотрела на лицо Кромвеля и видела его словно в первый раз. Исчезли заносчивость

и злость, которыми он прикрывался словно щитом. Барьер растворился, и скрывавшийся под ним юноша предстал передо мной совершенно беззащитным.

Я еще никогда не видела никого столь же прекрасного.

Замерев, чувствуя, что сердце колотится где-то в горле, я стояла и слушала, как Кромвель играет; его лицо словно окаменело, но слезы на щеках выдавали его боль. Пальцы юноши ни разу не промахнулись мимо нужной клавиши, он играл идеально и своей игрой рассказывал мне историю, которую я могла бы никогда не узнать, но которую полностью понимала.

Под конец его пальцы стали двигаться медленнее, и, приглядевшись, я увидела, что они дрожат. Вот его руки в последний раз взметнулись над клавишами, выводя финальный, трагический аккорд, и прекрасная мелодия подошла к концу.

Парень опустил голову, его плечи задрожали. У меня задрожали губы – я чувствовала глубину его отчаяния. Он вытер слезы и поднял голову.

Я наблюдала за ним затаив дыхание, смотрела, как он замер за инструментом, и испытывала благоговение, потому что осознала: Кромвель Дин – это та самая надежда, о которой я мечтала.

Парень глубоко вздохнул, и при виде этого зрелища мое сердце заколотилось как сумасшедшее. Дверная ручка под моей рукой качнулась, и деревянная дверь со скрипом от-

крылась.

Этот звук показался мне раскатом грома, увенчавшим трагическую симфонию Кромвеля. Он поднял голову, наши взгляды встретились, и кровь отлила от его лица.

Я сделала шаг вперед.

– Кромвель, я...

Он так резко вскочил с табурета, что тот перевернулся и упал на пол. Кромвель повернулся ко мне, его руки безвольно висели вдоль туловища, синие глаза смотрели потерянно. Он открыл рот, как будто хотел что-то сказать, но не издал ни звука. Юноша оглядел аудиторию, будто музыкальные инструменты выдавали его с головой.

– Я слышала, как ты играл. – Я шагнула вперед, нижняя губа у меня тряслась от страха. Меня пугал не Кромвель, а вся эта ситуация, то, кем на самом деле был Кромвель Дин, его внутренняя суть.

То, кем он мог бы стать.

– Твой талант... – Я покачала головой. – Кромвель, я и представить себе не могла...

Парень отвернулся от меня и сделал несколько шагов в глубь комнаты, словно пытаясь сбежать. Я протянула руку, желая коснуться его, утешить, потому что его дыхание участилось, а взгляд отчаянно метался – юноша пытался решить, что делать дальше. Наконец он бросился туда, где стояла я – к единственному выходу. Его синие глаза казались огромными на бледном лице. Он остановился всего в

нескольких футах от меня: плечи поникли, вся поза так и кричала об отчаянии.

Он выглядел совершенно сломленным.

В тусклом свете пирсинг Кромвеля отбрасывал блики, точно отблеск сценического прожектора, который не осмеливался сиять слишком ярко на музыканте, что скрывает свой талант.

Теперь я разглядела, что щеки юноши блестят от слез. Он подошел ближе, подбираясь к выходу. Никогда еще я не видела его в таком состоянии. Исчезли наглость и его вызывающее поведение.

Остался только Кромвель Дин.

Моего лица коснулось его дыхание. Мята и табак.

– Бонни, – прошептал он. Мое имя на его губах резануло слух, потому что хриплый голос звучал как крик о помощи.

– Я слышала, как ты играл.

Я посмотрела в его полные слез глаза. Повисшее в комнате молчание было таким глубоким, что я слышала, как бьются в разном ритме наши сердца.

Кромвель отшатнулся, попятился и ударился спиной о стену. Взгляд его остановился на стоящем в центре комнаты пианино, и я не смогла по его глазам понять, смотрит ли он на инструмент как на врага или как на спасителя.

Парень вдруг сорвался с места, бросился к пианино, схватил какой-то предмет, лежавший на крышке, после чего попытался пройти мимо меня, но я поймала его за руку. Юно-

ша остановился как вкопанный и низко опустил голову, его широкие плечи поникли. У меня на глаза навернулись слезы, жаль было видеть его в таком состоянии.

Он казался раздавленным и беззащитным.

– Пожалуйста... Отпусти, – попросил он.

Это прозвучало так жалобно, что у меня защемило сердце. Следовало его отпустить, но я продолжала крепко держать его за руку. Я не могла отпустить его, когда он так подавлен. А еще я вдруг поняла, что не хочу его отпускать.

– Ты можешь играть настолько... – Я покачала головой, не в силах произнести ни слова.

Кромвель прерывисто вздохнул, потом прижал что-то к груди. Отступив на шаг, я увидела, что он сжимает дрожащей рукой несколько солдатских жетонов. Он стискивал их так сильно, что побелели костяшки пальцев.

Кромвель зажмурился, и все мое тело напряглось от сочувствия, когда по щеке юноши скатилась слеза. Мне хотелось стереть ее, но я не осмелилась, потому что полагала, что он не позволит мне зайти так далеко. Когда он открыл глаза, на его лице явственно отразилось страдание.

– Бонни... – прошептал он со своим ужасным акцентом и посмотрел мне в глаза. Раньше из-за произношения его тон казался мне покровительственным, но сейчас, когда юноша говорил хрипло и жалобно, его голос показался мне очаровательным.

Потом парень вырвался и побежал к двери.

– Кромвель! – закричала я ему вслед.

Он остановился в дверях, но не обернулся. Мне хотелось, чтобы он остался. Я не знала, что сказать, но мне не хотелось его отпускать. Казалось, прошла вечность, пока он стоял в дверях, а я ждала, что он сделает – уйдет или вернется ко мне. Но потом дверь открылась и закрылась. Я осталась одна.

Я пыталась перевести дыхание, хотела сдвинуться с места и догнать юношу, но ноги словно приросли к полу. Перед глазами до сих пор стояла картинка: сломленный Кромвель за пианино. Только сделав десять глубоких вдохов, я снова обрела способность двигаться.

Подошла к пианино, подняла табурет, поставила на место, села и провела пальцами по клавишам. Они еще хранили тепло его пальцев.

Что-то мокрое коснулось моего пальца – слеза Кромвеля.

Я не стала ее вытирать, вместо этого заиграла мелодию собственного сочинения. Закрыв глаза, я открыла рот и запела, давая выход охватившей меня огромной радости. Ответная мольба, стихи, положенные на музыку, изливались из моего сердца, из глубины души.

Я пела тихо – эту песню я написала лишь для себя. Сейчас она пришлась как нельзя кстати, потому что смысл идеально вписывался в величие момента. Эта песня помогала мне оставаться сильной.

Вообще-то ее полагалось исполнять под гитару, и все же, сама не знаю почему, я сидела здесь, за этим прекрасным

инструментом. Мои натренированные пальцы уверенно перебирали клавиши, но когда песня подошла к концу и я опустила крышку пианино, то знала: моя игра не шла ни в какое сравнение с той музыкой, которую извлекал из инструмента Кромвель Дин.

Я посмотрела на дверь: мне до сих пор мерещился срывающийся голос Кромвеля, его загнанный взгляд. Глубоко вздохнув, я попыталась воскресить свою недавнюю неприязнь к этому парню, которую испытывала с нашей первой встречи.

Тщетно: она исчезла. Не помогали даже воспоминания о его грубом и наглom поведении. Теперь-то я знала: за этими синими глазами, татуировками и темными волосами скрывалась боль. Одно мгновение – и я уже не могла думать о Кромвеле так же, как думала раньше.

По щеке скатилась слеза. Кромвель Дин перенес такую сильную травму, что лишился способности наслаждаться музыкой. От боли он даже заплакал.

Сердце сжалось, потому что я и сама знала, каково это: страдать.

Кто бы мог подумать, что у нас с Кромвелем найдется что-то общее? Но захочет ли он разделить со мной этот секрет?

Я вздохнула.

Вероятно, не захочет.

Глава 8

Кромвель

Я промчался через двор, мимо установленной в центре чугунной статуи какого-то знаменитого выпускника, а холодный ветер хлестал меня по щекам. Мой взгляд метался по сторонам, выхватывая из темноты то кусок газона, то скамейки, освещенные старомодными фонарями.

Я вдохнул сигаретный дым, задержал дыхание, ожидая, что приток никотина меня успокоит, но желаемого эффекта не было. Я побрел куда глаза глядят, но дрожь в руках все не проходила, а сердце колотилось как сумасшедшее, и гребанные слезы все текли и текли из глаз.

Я так крепко сжимал металлические жетоны, что пальцы сначала ныли от боли, а потом онемели, и я вяло подумал, обретут ли они вообще чувствительность. Я шагал и шагал вперед, пока не оказался на берегу озера. Здесь было тихо, никаких признаков жизни, только у причалов на воде показывались пришвартованные лодки, а на противоположном берегу тускло светились окна бара. Ноги сами понесли меня к концу пристани, потом вдруг разом подкосились, и я упал на колени.

Тихий плеск воды у деревянных свай причала раздражал мои уши. Перед глазами поплыли бледно-фиолетовые круги,

и я ощутил во рту вкус корицы. Я тихо застонал от бессилия, потому что не хотел видеть этот цвет и ощущать этот вкус. Я вообще не хотел ничего чувствовать...

– Сын, – прошептал он. Глаза его сияли. – Как... Как ты смог это сыграть?

Я пожал плечами и убрал руки с клавиш пианино. Отец погладил меня по голове и присел рядом на корточки.

– Тебя кто-то научил?

Я покачал головой.

– Я... – Я тут же прикусил язык.

– Ты – что? – Отец улыбнулся. – Ну же, дружище, обещаю, что не стану сердиться.

Я не хотел злить отца; он долгие месяцы провел в армии и только что вернулся. Мне хотелось, чтобы он мной гордился, а не сердился на меня.

С трудом проглотив ком в горле, я пробежал пальцами по клавишам.

– Просто я могу играть, – прошептал я и, с опаской покосившись на папу, поднял руки. – Пальцы сами знают, что делать. – Я указал на свою голову. – Я просто следую за цветами и вкусами. – Я поочередно указал на свои грудь и живот. – Я делаю так, как чувствую.

Папа часто заморгал, а потом вдруг крепко меня обнял. Когда он отстранился, мне захотелось, чтобы он никогда меня не отпускал. Без папы мне было плохо. Он сказал:

– Сыграй еще раз, Кромвель. Я хочу послушать.

И я сыграл.

В тот день я впервые увидел, как папа плачет.

И я играл еще и еще...

Я ахнул, судорожно втянул в себя сырой воздух и поднялся, ударившись спиной о деревянный столб. Вдали виднелась лодка с одиноким гребцом. Какого черта он притащился сюда ночью? Может, он такой же, как я? Закрывает глаза, а покоя не находит, зато постоянно вспоминает о том, что стало его гибелью. Я смотрел, как по водной глади расходятся круги там, где ее касались весла, и вдруг захотел оказаться на месте этого человека: тогда можно было бы просто грести, двигаться вперед без какой-то определенной цели.

В памяти снова появилось лицо Бонни, и я почувствовал, как впиваются в ладонь металлические жетоны. Я поглядел на свои пальцы и представил, как они перебирают клавиши пианино. Выбитые на руках татуировки – черепа, идентификационный номер, важнее которого в мире ничего не было – вдруг показались мне до крайности забавными.

Надо же было такому случиться, что в аудиторию зашла именно Бонни Фаррадей. В полночь, когда все остальные либо сидели в баре, либо спали в своих постелях, именно она появилась в дверях класса. Та самая девушка, умудрившаяся задеть меня, заставившая чувствовать то, что мне не хотелось чувствовать. Я покачал головой и с силой потер лицо свободной рукой.

Все началось с письма в моем электронном почтовом

ящике.

Приходите в мой кабинет к пяти часам.

Профессор Льюис

В назначенное время я притащился в кабинет и сел на стул перед преподавательским столом. Профессор молча смотрел на меня. До сих пор я встречался с ним всего пару раз за всю жизнь, главным образом, когда был еще совсем юным... и еще раз, накануне тех событий.

Я познакомился с ним в Альберт-холле: мы вместе с родителями пришли туда послушать выступление оркестра, которым он дирижировал. Профессор Льюис услышал обо мне и специально пригласил нас на тот концерт.

С тех пор прошло несколько лет, и все это время я не получал от Льюиса никаких вестей, да и не ждал их вообще-то.

Так что я едва знал сидевшего передо мной человека.

– Как поживаете, Кромвель? – спросил Льюис. Его акцент напоминал произношение моей мамы. Правда, ее акцент почти исчез за годы, проведенные в Англии.

– Отлично, – проворчал я и покосился на дипломы на стене. Мой взгляд задержался на фотографии: на ней профессор Льюис дирижировал оркестром в Альберт-холле во время променадного концерта Би-би-си.

Я вспомнил запахи того концертного зала: дерево и канифоль от смычков.

– Как вам в Джефферсоне?

– Скука смертная.

Льюис вздохнул, потом подался вперед, на его лице отразилась тревога. И спустя секунду я понял причину его обеспокоенности.

– Утром я посмотрел на календарь. – Он помолчал. – Сегодня годовщина смерти вашего отца... – Он откашлялся. – Знаю, я встречал его всего пару раз. Он... он так в вас верил.

Я побледнел. Вот уж не знал, что отец часто беседовал с Льюисом. Я на миг зажмурился и глубоко вдохнул.

Разузнать, как и когда все это случилось, очень легко, достаточно ввести запрос в Гугл. Люди, которых я не знал – или едва знал, – могли запросто выяснить все, достаточно лишь знать имя моего отца. Они могли узнать о его смерти, как будто были с ним знакомы, как будто сами там присутствовали, когда это произошло...

Но прямо сейчас я не мог обсуждать это с профессором, которого совершенно не знал. Пусть он и предложил мне стипендию, но я ему не доверяю. У него нет права совать свой нос в мою жизнь.

Я вскочил и бросился к двери.

– Кромвель!

Окрик Льюиса нагнал меня уже в коридоре.

Студенты шарахались в стороны, давая мне дорогу, и все же на бегу я задел плечом какого-то уродца, и тот бросился на меня.

– Смотри, куда прешь, сволочь!

Я схватил его за грудки и с размаху впечатал в стену.

– Это ты смотри, баран, пока я тебе рожу не начистил!

Мне страшно хотелось его ударить, нужно было как-то выпустить пар, прежде чем я сделал что-то, о чем потом пожалею.

– Кромвель!

Крик Льюиса перекрыл гул собравшейся толпы. Я швырнул так некстати подвернувшегося под руку придурка на землю, и тот поглядел на меня снизу вверх совершенно круглыми глазами. Я повернулся и помчался к двери, бросая взгляды направо-налево, пытаюсь сообразить, куда бежать.

Меня догнал Истон и преградил путь.

– Истон, Богом клянусь, лучше уйди с дороги.

– Идем со мной, – предложил он.

– Истон...

– Просто пойдем со мной.

Я пошел за ним.

Какая-то цыпочка помахала мне ручкой.

– Привет, Кромвель!

– Не сейчас! – огрызнулся я, запрыгивая в машину друга.

Истон выехал с территории универа; впервые в жизни ему хватило здравого смысла помалкивать.

У меня в кармане завибрировал телефон: звонила мама. Она пыталась дозвониться до меня целый день. Стиснув зубы, я ответил на звонок.

– Кромвель, – сказала она, и в ее голосе явственно прозвучало облегчение.

– Что?

Последовала пауза.

– Просто хотела проверить, все ли с тобой в порядке, солнышко.

– Я в порядке, – пробормотал я и поерзал на сиденье. Мне захотелось как можно скорее выбраться из машины.

Мама шмыгнула носом, и меня накрыла волна ледяной ярости.

– Сегодня тяжелый день для нас обоих, Кромвель.

Я оскалился от отвращения.

– Ага. Ну, у тебя ведь есть новый муж, он скрасит этот тяжкий момент, так что можешь всплакнуть у него на груди.

Истон остановился возле зеленой рощи, а я нажал отбой, выпрыгнул из пикапа и помчался вперед, не зная толком, куда направляюсь. Вбежав в рощу, я какое-то время петлял между толстыми стволами деревьев, пока не оказался на берегу озера.

Я закрыл глаза и с минуту стоял неподвижно, пытаюсь успокоиться, глубоко дышал, напрягая мышцы живота, чтобы почувствовать всю ту боль, которая – я в этом не сомневался – обрушится на меня сегодня.

Наконец я сел на землю и стал смотреть на воду. Кто бы мог подумать, что совсем рядом с кампусом есть такое место.

Истон плюхнулся на траву рядом со мной. Я постарался

выбросить из головы телефонный разговор с мамой, постарался не думать о назойливом ублюдке Льюисе и сосредоточился на дыхании.

– Я прихожу сюда, когда меня накрывает – как тебя сейчас. – Истон сгорбился, обнял руками колени и уткнулся в них подбородком. – Знаешь, тут так спокойно, кажется, будто в целом мире остался ты один. – Он коротко рассмеялся. – Ну, в данный момент остались мы двое.

Я запустил пальцы в волосы, опустил голову и зажмурился, но перед глазами все равно стояло лицо отца. В памяти звучал наш последний разговор. Мне вспомнилось выражение его лица в тот момент, когда я повернулся и ушел. Просто невыносимо.

Я посмотрел на гладь озера. Я родился в этом штате, и все же меня с ним совершенно ничего не связывало. Раскинувшийся вокруг пейзаж абсолютно не напоминал мне о доме. Слишком мало зелени, вода слишком теплая. Впервые за все время пребывания здесь меня захлестнула тоска по дому.

Отношения с матерью у меня испортились, друзей не было. Во всяком случае, настоящих.

Прошла, кажется, вечность, прежде чем я успокоился. В какой-то момент Истон исчез, а потом вернулся с упаковкой из шести банок пива в руках. Он поставил их на землю между нами. Я взял одну и зубами потянул за кольцо. Когда прохладная пенная жидкость коснулась моих губ, я выдохнул.

– Лучше? – спросил Истон.

Я кивнул. Он со щелчком открыл свою банку.

– Сегодня вечером в «Вуд-Ноксе». Оторвемся по полной. Это поможет тебе забыть.

Я снова кивнул, после чего выпил еще три банки.

В тот миг я был готов пойти на все ради возможности забыть.

Руки какой-то красотки гуляли по моему торсу и наконец скользнули за пояс джинсов. Я запрокинул голову и уткнулся затылком в стену. Губы девушки впились в мою шею.

– Кромвель, – прошептала она. – Будет здорово.

Я обвел взглядом темную комнату: какая-то раздевалка, где студенты оставляют зимние куртки. Пол усыпан опилками и арахисовой шелухой. Девушка прижималась ко мне, ее губы оставляли влажные следы на моей шее, и это раздражало.

– Ты такой горячий, – прошептала она.

Все, с меня хватит.

Я закатил глаза, оттолкнул девушку и отвел от себя ее руки, после чего вынырнул из раздевалки и вклинился в толпу студентов, которых Истон, похоже, собрал всего за час – во всяком случае, я не сомневался, что с озера мы вернулись менее часа назад.

Над толпой весело звенел пронзительный голос Истоны. Я выскочил на главную улицу и огляделся. Вокруг никого не было, кажется, все находились внутри.

Выстроившиеся вдоль улицы магазины и кафешки слегка накренились. Я потер лицо ладонью. Слишком много я выпил.

– Где Кромвель? – раздался из-за двери женский голос.

Шатаясь, я двинулся в сторону кампуса – не хватало еще, чтобы кто-то обнаружил меня в таком невменяемом состоянии. Ноги налились тяжестью и двигались с трудом. Оказавшись у общежития, я понял, что это последнее место, где хотел бы сейчас находиться.

В голове было пусто, я совершенно не думал, куда иду, пока не осознал, что стою перед музыкальным классом. Я уставился на закрытые двери и на считыватель карточек, позволяющий попасть внутрь. Тяжело дыша, как будто только что пробежал марафон, я повернулся, чтобы уйти, но ноги меня не слушались.

Голова сама собой опустилась, я уткнулся лбом в дверь и закрыл глаза.

Я занес руки над пианино и зажмурился. Когда я играл, мои мысли неизменно уплывали куда-то далеко, сознание трансформировалось, в голове оставались только цвета и формы. Лишь когда мелодия умолкала, мир перед моими глазами снова становился прежним.

Зрительный зал взорвался аплодисментами. Я встал, оглядел толпу и увидел маму – она стояла и хлопала в ладоши, в ее глазах блестели слезы. Я слегка улыбнулся ей, потом сошел со сцены.

Когда я ослаблял галстук, директор концертного зала похлопал меня по плечу.

– Потрясающе, Кромвель, это было просто потрясающе. Поверить не могу, что тебе всего двенадцать.

– Спасибо, – поблагодарил я и отправился за сцену, где можно было переодеться.

Я шел, глядя себе под ноги. Присутствие мамы меня радовало, но человека, которого я по-настоящему хотел сегодня увидеть, здесь не было.

Он никогда не приходил.

Когда я повернул за угол, мое внимание привлекло какое-то движение. Я поднял голову.

Первой моей мыслью было: цвет хаки. У меня округлились глаза.

– Папа?

– Кромвель, – сказал он. Я не верил своим глазам. Сердце забилось быстрее. Я бросился отцу на шею.

– Ты сегодня был великолепен, – сказал он и тоже меня обнял.

– Ты видел?

Он кивнул.

– Такое я бы не пропустил.

Когда я наконец поднял голову, то уже был внутри здания, а в руке держал пластиковое студенческое удостоверение. Я находился в музыкальном классе, а прямо передо мной лежали и стояли всевозможные инструменты.

У меня разом зачесались руки, так сильно мне захотелось прикоснуться к инструментам. Сейчас я был готов винить кого угодно, но ни за что не признал бы, что пришел сюда, потому что мне это было нужно. Мне нужны были эти инструменты.

Я медленно подошел к пианино и провел кончиками пальцев по крышке. Меня словно разрывало надвое, я отдернул руку, в надежде, что смогу устоять. И не смог. Я сел на табурет и поднял крышку. На меня смотрели черные и белые клавиши. И, как это всегда со мной происходило, я мог их читать. Для меня они умели говорить, я видел, что каждая наполнена нотами, музыкой и цветом.

Руки сами потянулись к клавишам, уголок рта пополз вверх. Я отдернул руку и рявкнул на самого себя:

– Нет!

Мой голос стих, не породив эха.

Я закрыл глаза, пытаюсь унять боль, что терзала мою душу последние три года. Я мог ее сдерживать, теперь я научился это делать. Боль можно вытолкнуть из груди. Вот только начиная с сегодняшнего утра эта борьба давалась мне куда труднее обычного. Боль убивала меня весь день.

Отражать ее удары становилось все сложнее.

«Играй, сын, – прошептал отцовский голос у меня в голове. Я невольно сжал кулаки. – Играй...»

Я ахнул и сдался, отказался от раздиравшей мою душу борьбы.

В аудитории было тихо, она была как белый лист, ждущий, что его насытят красками. Мои пальцы легли на клавиши, я затаил дыхание, а потом нажал на одну из них. Звук оглушил меня сильнее пожарной сирены, перед глазами взорвалось пятно яркого зеленого цвета, по краям окаймленное неоном. Следующая клавиша – и у меня перед глазами расцвел красный бутон. Не успел я опомниться, как мои руки уже летали над клавишами так, словно я и не прекращал играть на долгих три года.

Я играл «Токкату и фугу ре минор» Баха; нотная запись мне не требовалась, в голове отпечатались все ноты до последней. Я просто следовал за цветами. Вибрирующий красный, бледно-голубой, охровый, ореховый, лимонно-желтый – один за другим они сплетались у меня в голове в яркое полотно.

Закончив «Токкату», я повернулся и встал с табурета. На этот раз не раздумывал и не терзался внутренней борьбой; я просто пересек комнату и взял то, что первым попало на глаза. Едва смычок коснулся струн скрипки, я закрыл глаза и последовал за музыкой.

На этот раз я играл мелодию собственного сочинения.

Я переходил от одного инструмента к другому, не мог остановиться. Меня захлестнули цвета, вкусы, а в крови бурлил адреналин.

Не знаю, сколько прошло времени. Наконец я ощутил каждый инструмент и шагнул было к двери, но охватившая

меня жажда музыки не проходила. Мне хотелось оставить все это в прошлом, хотелось списать свой поступок на опьянение.

Вот только я больше не чувствовал ставшего уже привычным оцепенения. Сейчас мною двигал вовсе не алкоголь, а я сам, и я это знал.

Фортепиано притягивало меня как магнит. Я снова вернулся к нему, сунул руку в карман и вытащил отцовские жетоны. Я не мог заставить себя посмотреть на его имя, просто положил их на верхнюю крышку пианино – пусть будут рядом.

Пусть он будет рядом со мной.

Я вдохнул и выдохнул пять раз, прежде чем коснуться клавиш. Сердце стучало в груди, точно басовый барабан. Я позволил музыке вести меня за собой и чувствовал себя при том так, будто мне в грудь вонзили кинжал.

До сегодняшней ночи я играл эту вещь лишь раз, а именно три года назад. Я так и не сделал нотную запись – не видел необходимости. Это была мелодия-посвящение, каждая ее нота, каждый цвет, каждое чувство звучали в память о нем.

Вся композиция состояла из темных цветов, низких нот и тонов. Скорбные звуки заполнили комнату, а я вспоминал, как мама вошла в мою спальню в три часа ночи.

– Малыш... – прошептала она. Руки у нее тряслись, залитое слезами лицо побледнело. – Его нашли... его больше нет.

Я тогда уставился на нее, не в силах пошевелиться.

Неправда. Это не может быть правдой. Отец пропал, от него уже долго нет вестей, но с ним все будет хорошо. Так должно быть. Не может быть, что все вот так закончилось, учитывая, как мы с ним расстались. Он должен быть жив.

Но, глядя на перекошенное от горя лицо мамы, я понял, что она говорит правду. Отца больше нет.

С восходом солнца я пришел в комнату, где стояло пианино – подарок на мой двенадцатый день рождения, – и стал играть. И пока я играл, реальность начала меркнуть.

Папы больше нет.

Мои руки метались над клавишами, а спина все сильнее горбилась, и под конец я совсем согнулся, потому что не мог выносить боль в животе. Я играл мрачную, медленную мелодию – прежде я еще не сочинял ничего подобного. Неужели жизнь так несправедлива?

«Его больше нет», – эхом звучал у меня в голове мамин голос. Дойдя до крещендо, я по-звериному завыл, из глаз потекли слезы, но пальцы били по клавишам, не останавливаясь, как будто не могли остановиться.

Я должен был играть.

Мои пальцы будто знали, что больше я никогда не сяду за пианино.

Когда мелодия закончилась и затихла последняя нота, я открыл глаза и уставился на свои руки. На меня обрушилось все сразу. Мои руки на клавишах. Я играл после трехлетнего перерыва. Цвета, привкус металла... огромная дыра у меня

в груди.

На клавиши стали падать слезы. Перед глазами у меня стояло лицо отца. В последний раз, когда я его видел, на его лице были боль и грусть.

Он забрал музыку с собой.

Мои руки соскользнули с клавиш, я не мог дышать. В комнате было слишком тихо, казалось, даже воздух застыл, и...

Скрип открывающейся двери заставил меня поднять глаза. Увидев, кто стоит на пороге, я почувствовал, как кровь отлила от лица. Бонни Фаррадей смотрела на меня, ее карие глаза на побледневшем лице были печальны. Это меня добило. В тот миг мне не хотелось оставаться одному, но опереться было не на кого, не к кому было обратиться, я всех оттолкнул.

И вдруг появляется она, и в глазах у нее слезы. Бонни была рядом со мной, в то время как я распадался на части. Я не знал, что делать, чувствовал, что нужно убежать, оттолкнуть ее тоже. В этой жизни мне никто не нужен, одному быть лучше. Но в тот миг мне хотелось, чтобы она была рядом. Потом она коснулась моей руки, и я едва не сдался.

Когда я посмотрел в ее глаза, в то время как из моих собственных глаз текли слезы, я понял, что нужно убираться. Я бросился бежать и еще успел услышать, как Бонни меня зовет. Я бежал, пока не добрался до полянки, которую днем показал мне Истон. Там я упал на траву и, позволив теплему ветру согревать мою кожу, зажег сигарету и стал рассматри-

вать свои руки.

Казалось, они выглядят иначе, чем утром. Пальцы будто освободились, словно я наконец дал им то, чего они жаждали годами.

Я только что играл, позволил музыке вернуться.

Затянувшись, я попытался выбросить все чувства из головы, но эхо нот все еще гремело у меня в ушах, тени цветов еще жили в моем сознании, а пальцы помнили, как касались клавиш, и от этого зудела кожа.

Не так-то легко избавиться от мышечной памяти.

Разочарованный, я вытянулся и стал смотреть в ночное небо, усыпанное яркими звездами, потом зажмурился и снова попытался забыть о случившемся, вернуться к привычной пустоте, в объятиях которой прятался так долго. Не вышло. Чувства, цвета, звуки – ничто не отпускало меня.

Особенно южный акцент Бонни Фаррадей и взгляд ее карих глаз.

Ее голос был фиолетово-синим.

Я закрыл глаза.

Больше всего я любил слышать именно этот цвет.

Глава 9

Кромвель

Я смотрел на нее: она сидела рядом с этим придурком Брайсом, улыбалась и смеялась вместе с ним, пока Льюис готовился к лекции. «Хватит пялиться, идиот!» – одернул я себя и отвернулся. Но не прошло и минуты, как снова зазвенел ее смех, и мой взгляд вновь устремился к ней.

Смех у нее был нежно-розовым.

Так я и смотрел на нее, чувствуя, как в животе завязывается тугой узел. Вытащив мобильный, я нажал кнопку разблокировки и пробежал глазами появившееся на экране простое сообщение, на которое то и дело посматривал все выходные.

БОННИ: *Ты в порядке?*

Из-за этого простого вопроса в моей душе творилось что-то невероятное; казалось, чем больше я перечитываю смс, тем сильнее моя душа раскалывается надвое. «Ты в порядке?»

Я не видел Бонни все выходные. Она не зашла повидаться с Истоном, а тот почти все время дрых, измученный тяжким похмельем после пятничной вечеринки. Я то и дело отрывал глаза от экрана ноутбука и посматривал на дверь, каждую минуту ожидая, что Бонни вот-вот появится. Я ждал, что Истон очухается и отправится навестить сестру. Но Бон-

ни так и не пришла, а Истон выполз из комнаты лишь однажды, купить еды.

Это к лучшему, уговаривал я себя, мне вовсе не хочется видеть ее после идиотского представления. И все же я всю ночь пролежал без сна, снова и снова перечитывая ее простое сообщение.

«Ты в порядке?»

Тогда я решил с головой уйти в работу: обновил свои миксы, хотя они и так находились в топе всех рейтингов. Мне бы радоваться, но всякий раз прослушивая их, я видел лишь пустоту в сознании. После того как я прикоснулся к инструментам, которые некогда так любил, электронная музыка казалась безжизненной.

Следовало забыть о случившемся, однако всякий раз при виде милого лица Бонни и ее густых темных волос я будто снова оказывался в той комнате и рука девушки сжимала мою руку.

Когда сегодня я вошел в класс, она попыталась заговорить со мной, но я прошел мимо, не сказав ни слова. Мне казалось, что стоит только взглянуть на нее, и я немедленно провалюсь сквозь землю.

Но потом мне все же пришлось на нее посмотреть... И я уже не мог отвести глаз.

Я откинулся на спинку сиденья и заставил себя прислушаться к негромкому голосу Льюиса – профессор объяснял, как важна смена темпа в композиции. Мне не хотелось учить

эту муть.

Под конец я почувствовал, что засыпаю, и посмотрел на часы. До конца занятия оставалось десять минут. Мой телефон, лежавший на столе, завибрировал, и у меня в животе все перевернулось, когда я увидел, кто прислал мне сообщение.

БОННИ: *Мы можем встретиться после занятия?*

Сердце отчаянно заколотилось в груди. Я посмотрел на нее – она сидела несколькими рядами ниже, но на меня не смотрела. Идти определенно не следует. Какого лешего я ей скажу? Если она только вспомнит события той ночи, мне придется встать и спасаться бегством. О чем тут вообще говорить? Я напился, только и всего. Буду придерживаться этой версии.

Я не хотел и не мог говорить о случившемся, поэтому взял мобильный, намереваясь ответить отказом. И обнаружил, что печатаю: «АГА».

– Индивидуальные уроки начинаются на этой неделе, – сказал Льюис. Это привлекло мое внимание, и я посмотрел на преподавателя: тот указывал на стену. – Вон там висит график занятий. Заполните его, прежде чем уйдете. – Я попытался успокоить отчаянно бьющееся сердце, но при мысли о том, что сейчас придется встретиться лицом к лицу с Бонни, пульс только учащался.

Студенты бросились разбирать время. Я остался на месте и стал неторопливо собирать вещи. Бонни тоже еще сидела

рядом с Брайсом.

– Давай вечером сходим попить кофе, Бонни, – донесся до меня голос Брайса.

Почему-то при мысли о том, что Бонни пойдет на свидание с этим типом, в моей груди вспыхнул огонь.

Бонни заправила за ухо прядь волос и тоже направилась к листку с расписанием. Вписав туда свое имя, она снова повернулась к Брайсу.

– Я... Я не уверена, успею ли, – запинаясь, пробормотала она.

Этот урод сцапал ее за руку, и я едва не взорвался. Бонни опустила глаза, взглянул на его пальцы, сжимающие ее руку, и я похолодел, гадая, что она станет делать.

– Ну же, Бонни. Я тебя с прошлого года уламываю.

Она посмотрела на него с улыбкой, и Брайс соорудил такую слащавую мину, что мне захотелось ему врезать.

– Фаррадей, – брякнул я, не задумываясь. Бонни подняла голову и удивленно посмотрела на меня. – У меня время не казенное. Если хочешь встретиться, пошли сейчас. Не хочу смотреть, как ты его отшиваешь.

Бонни вспыхнула, а Брайс бросил на меня полный ненависти взгляд, будто хотел убить. С интересом посмотрел бы, как это у него получится. Бонни высвободила руку и проговорила слегка дрожащим голосом:

– Увидимся завтра, Брайс.

Судя по тому, как нервно Бонни на меня посмотрела, она

тоже понятия не имела, что сказать о событиях пятничной ночи.

Брайс кивнул и пошел к двери, но перед этим ожег меня еще одним злобным взглядом. Урод. Бонни подошла ко мне.

– Кромвель, не обязательно так с ним разговаривать.

Я поймал себя на том, что у меня раздуваются ноздри. Мне не понравилось, что она защищает этого дебила. С какой это радости? Неужели он ей нравится?

– Ты хотела встретиться. – Я указал на папку, которую она держала в руках. На папке черным по белому было написано: «Проект по композиции». Я провел ладонью по волосам. – Он нас задерживал.

Бонни глубоко вздохнула, потом наконец посмотрела мне в лицо. В ее огромных карих глазах читалось сочувствие, и мне сразу стало неловко. Я сунул руку в карман и вытащил пачку сигарет.

– Пойду покурю. Буду снаружи.

Нахлобучив на голову наушники, я бросился к двери. Выкурил полсигареты, как вдруг ко мне подошла... Стейси? Соня? В общем, какая-то девица, с которой я в последний раз обжимался.

– Привет, Кромвель. Как жизнь?

В ее голосе явственно сквозило приглашение.

Я снова затянулся и выдохнул дым. В этот момент, как по заказу, из дверей вышла Бонни.

– Привет, Сьюзи, – поздоровалась она с девчонкой, потом

посмотрела на меня: – Так мы идем?

Бонни смотрела на меня неуверенно, и внутри у меня все перевернулось.

Я поглядел на Сьюзи и пожал плечами:

– У меня планы.

Сделав последнюю затяжку, я вслед за Бонни направился к ее машине. Вероятно, мы сейчас поедем в кофейню – похоже, Бонни там чуть ли не жила. Когда дверь закрылась, я напрягся: мне не хотелось, чтобы девушка упоминала события той ночи. Я мысленно взмолился: пусть она промолчит.

Прежде чем завести машину, Бонни посмотрела в окно.

– Кромвель...

Я чуть не рывкнул на нее, чуть не велел ей убираться, как я поступал со всеми, кто осмеливался лезть мне в душу. Но потом она взглянула на меня своими карими глазами, и я увидел на ее лице сочувствие. Моя злость тут же испарилась.

– Не надо... – прошептал я, и собственный голос показался мне оглушительным. – Просто оставь это.

У Бонни подозрительно блеснули глаза, она кивнула и взялась за руль, но прежде чем завести мотор, попросила:

– Хотя бы скажи, что с тобой все в порядке. – Она не смотрела на меня. – Мне нужно знать, все ли с тобой в порядке.

Эти слова меня потрясли, потому что прозвучали так искренне, словно она действительно за меня волновалась. Дрожь в ее голосе... окружающий ореол цвета лаванды подсказывали, что Бонни и впрямь за меня переживает.

– Ага, – ответил я, и девушка заметно расслабилась.

По правде говоря, я был далеко не в порядке, но петля внутри, которая заставляла меня отталкивать людей, натянулась, и я не смог издать ни звука.

Туже всего эта удавка затягивалась, когда я находился рядом с Бонни.

Девушка улыбнулась, и петля на моем горле сразу ослабла. Пока мы выезжали с территории кампуса, Бонни молчала, и я успел немного успокоиться.

Прибыв в кофейню «Джефферсон», мы сели за тот же столик, что и в прошлый раз – похоже, это было персональное место Бонни.

Сэм, парень, который уже обслуживал нас, подошел с напитками в руках.

– Сдается мне, вам то же, что и в тот раз, – сказал он, наливая мне крепкого черного кофе.

Когда парень отошел от столика, я посмотрел на сидевшую напротив Бонни. Она пожирала меня глазами, но, заметив, что я на нее смотрю, поспешно опустила взгляд и вытащила из сумки папку. Открыв ее, девушка извлекла листок с нотной записью и положила на стол передо мной. Вид у нее стал до крайности смущенный.

– Я... Я тут размышляла над вступлением к нашему совместному произведению. Эта мелодия уже какое-то время крутится у меня в голове. – Она нервно отхлебнула кофе. – Знаю, мы еще не определили тему, но я решила показать те-

бе это.

Я покосился на листок, пробежался глазами по нотам, но ничего не сказал.

– Так ужасно?

Я оторвал глаза от листка. Не ужасно, просто... В этой мелодии не было ничего выдающегося. Она не пробуждала к жизни цвета. Как если бы на стене висела репродукция картины: она не плоха, но в душе ничего не переворачивается.

Я решил вообще ничего не говорить, чтобы не огорчать Бонни. С каких это пор мне страшно ее огорчить?

Я стиснул зубы и заложил руки за голову. Бонни наблюдала за мной и, кажется, затаила дыхание. Когда наши взгляды встретились, она опустила глаза и посмотрела на свое сочинение.

– Все настолько плохо?

– Не плохо.

– Но и не хорошо, – заключила девушка понимающим тоном и откинулась на спинку стула. Вид у нее был подавленный. Вот она открыла рот, определенно намереваясь что-то сказать. Я не сомневался: сейчас она заговорит о ночи пятницы. Во мне тут же начала закипать злость.

Видимо, Бонни прочитала что-то на моем лице и сказала:

– Кромвель, думаю, нам нужно подойти к Льюису и попросить подобрать нам новых партнеров. Ничего не получается.

Она взмахнула руками, как бы очерчивая разделяющее

нас пространство, потом опустила глаза.

– Мы не на одной волне, когда речь заходит о музыке. – Она поводила по столу кончиком пальца. – Ты... Ты и впредь хочешь заниматься только электронной музыкой или передумал?

Я закрыл глаза и глубоко вздохнул. Просил же не касаться этой темы. Я не мог говорить об этом, черт побери.

А ведь Бонни права. Мы совершенно не подходим друг другу. У нас разные вкусы. Я ни за что не стану снова заниматься классической музыкой. И, несмотря на все это, каждая клеточка моего тела протестовала при мысли о том, что Бонни будет работать с новым партнером, например, с кем-то вроде Брайса.

– Меняться нельзя.

Бонни подалась вперед.

– Тогда помоги мне. – Она потерла лоб ладонью. Вид у нее был усталый. Наконец она тяжело вздохнула. – Спрошу еще раз: ты со своей стороны хочешь заниматься исключительно электронной музыкой?

– Да, – процедил я сквозь зубы.

Теперь в ее глазах читалось разочарование.

– Кромвель... – Бонни покачала головой. – То, как ты можешь играть... – Она протянула руку и коснулась моих пальцев. Ее ладонь была такой теплой, голос тихим, успокаивающим и грустным. – Не знаю, почему ты отказываешься, но твоя игра, которую я слышала той ночью... – Глаза девушки

заблестели от слез, она прижала свободную руку к сердцу. – Твоя игра меня тронула, и очень сильно.

Сердце у меня застучало как сумасшедшее, и я никак не мог успокоиться, пока рука Бонни касалась моей руки. «Твоя игра меня тронула». Ее милое лицо осветилось робкой надеждой.

Она надеялась, что я с ней поговорю, соглашусь вместе писать классическую музыку.

Потом у меня перед глазами появилось лицо отца, и я словно покрылся ледяной коркой, как ветка дерева после бурана. От злости в кровь хлынул адреналин, я отдернул руку и перекатил во рту пирсинг, стараясь не взорваться.

– Этого не случится.

– Кромвель, почему?..

– Я сказал, этого не случится!

Бонни замерла. Я окинул взглядом кафешку – все на нас таращились. Тогда я наклонился ближе:

– Я же просил забыть о том, что ты видела, и никогда не поднимать эту тему. – Я смял в кулаке салфетку. – Почему ты не можешь сделать, как я прошу?

Я намеревался произнести это резко, чтобы напугать девушку, но вместо этого мой голос сорвался и прозвучал почти жалобно.

– Потому что я еще никогда не видела такого талантливой человека, Кромвель.

Каждое ее слово, сказанное мягким, тихим голосом, ра-

нило меня, подобно пуле, и под этими ударами стена, за которой я прятался, затрещала.

– Забей, – посоветовал я девушке. Невидимая петля, сжимающая мое горло, затянулась туже.

Рядом со столиком кто-то деликатно прокашлялся, нарушая повисшее напряжение. Закипая от злости, я заставил себя отвести взгляд от Бонни, а Сэм, этот мерзавец с кофейником, спросил:

– Все в порядке, Бонни?

– Ага, – ответила она и улыбнулась.

Внутри все снова перевернулось. На моих глазах она улыбалась уже второй раз за день, и снова не мне.

Эта мелочь донимала меня сильнее, чем следовало бы.

Я чувствовал на себе взгляд Сэма.

– Идешь на концерт в эти выходные? – спросил он.

– Ага, – ответила Бонни. – А ты?

– Буду работать. О, пока не забыл: Харви хотел с тобой поговорить.

Бонни встала и направилась следом за Сэмом. И кто такой этот Харви, скажите на милость? Я допил кофе и посмотрел на лист с нотами, глядевший на меня со столешницы. Мои пальцы сами собой постукивали по столу, пока я читал мелодию Бонни. Оглядевшись, я увидел, что девушка стоит у входа в служебное помещение и с кем-то разговаривает. Некоторое время я боролся с желанием схватить ручку и внести правки, и в конце концов это желание победило. Я вычерк-

нул часть нот, заменив их другими, которые звучали лучше.

Закончив, я пробежал глазами написанное и вскочил с места. Сердце так и частило. Не следовало мне прикасаться к нотам, но я просто должен был записать возникшую в голове мелодию.

Нужно было уходить, а этот листок скомкать и выбросить в мусорку.

– Дерьмо! – прошипел я, уже выбежав за дверь. Листок остался лежать на столе, я забыл его взять. Посмотрел по сторонам, решая, куда пойти, но тут мне пришла эсэмэска.

СЬЮЗИ: *Ты неподалеку? Моя соседка по комнате свалила на весь день.*

Поглядев в окно кафе, я увидел, как Бонни возвращается к столу, берет листок с исправленной нотной записью и впивается в него взглядом. У меня перехватило дыхание. Девушка прижала руку к груди, а я сжал кулак. Наконец она подняла голову и оглядела кафе: определенно искала меня. Участился пульс, меня так и подмывало вернуться в кофейню и работать вместе с Бонни, показать ей, на что вдохновила меня ее музыка. Я показал бы ей, как можно продолжить начатый ей отрывок, мы обсудили бы, какие музыкальные инструменты можно использовать, чтобы исполнить эту мелодию. Я показал бы ей, как я дирижирую.

Однако невидимая удавка на шее, та, что всегда управляла мною и запрещала делиться своими чувствами с другими людьми, туго затянулась, и я не сдвинулся с места. Вся моя

злость так и осталась кипеть в душе.

Телефон снова завибрировал.

СЬЮЗИ: ???

Я снова посмотрел на Бонни, на ее красивое лицо. Девушка прикипела взглядом к нотам. Именно она пошатнула стены, которые я тщательно возводил вокруг себя на протяжении последних трех лет.

Следовало прекратить все это, потому что если они рухнут, я могу не справиться с тем, что хлынет наружу.

Я: Дай мне пятнадцать минут.

Я опустил телефон в карман и, постаравшись выбросить все случившееся из головы, отправился обратно в кампус, пока Бонни снова меня не нашла. Я изо всех сил старался погрузиться в привычное оцепенение и выбросить девушку из головы, но, не пройдя и нескольких метров, увидел на фонарном столбе плакат, сообщавший, что в эти выходные в парке состоится концерт. Филармония Южной Каролины. Я моментально ощутил страстное желание сходить на это выступление и стиснул зубы.

Бонни наверняка будет там – это веская причина, чтобы обойти парк стороной. Нужно держать эту девушку на расстоянии, хватит и того, что мы вынуждены вместе работать над проектом. Она видела достаточно и знает слишком много моих тайн.

Нужно просто вернуться к моим миксам и укрыться за высокими стенами, куда никто посторонний не проникнет.

Вот что мне нужно сделать.

– Вы не записались.

Я сидел в кабинете Льюиса. В углу стоял рояль, на стене висела старинная скрипка – лакированная поверхность вся в трещинах, струнодержатель явно очень хрупкий. На подставке стояла гитара, а рядом, у дальней стены, на боку лежала виолончель.

Все эти предметы напоминали мне о доме, так что я отвел глаза и стал рассматривать фотографию, на которой Льюис дирижировал оркестром. А ведь он начал свою музыкальную карьеру совсем молодым, понял я вдруг. Интересно, он всегда любил музыку, как и я когда-то, дышал ею одной?

– Кромвель, – сказал профессор.

Его голос вывел меня из задумчивости.

– Мне не нужны персональные уроки.

На щеке преподавателя дернулся мускул, он облокотился о стол.

– Кромвель, я знаю, вы уже какое-то время занимаетесь исключительно электронной музыкой. Если хотите сосредоточиться лишь на ней – ладно. Мы сфокусируемся в этом направлении.

– Собираетесь учить меня электронной танцевальной музыке?

Льюис взглянул на меня с прищуром.

– Нет, но я знаю музыку и могу объяснить вам, какие при-

емы в ней действуют, а какие – нет. – Он помолчал, оценивающе глядя на меня. – Либо мы можем работать с вашими старыми сильными сторонами. – Он указал на инструменты. – Фортепиано. Скрипка. – Он издал короткий смешок. – Да с чем угодно.

– Нет, спасибо, – пробормотал я и поглядел на часы. До начала выходных оставалось всего ничего. По окончании этой встречи меня ждет бутылка «Джек Дэниелс». Неделя выдалась непростая, и я собирался как следует оторваться, напиться и отрубиться.

– Вы по-прежнему пишете музыку?

Я заложил руки за голову.

– Не-а.

Льюис склонил голову набок:

– Я вам не верю.

Я весь напрягся и огрызнулся:

– Верьте, во что хотите.

– Я имел в виду, что, на мой взгляд, вы не смогли бы перестать сочинять. – Он постучал себя по виску указательным пальцем. – Неважно, как сильно мы хотим избавиться от этой потребности, она никуда не исчезает.

Он сцепил руки в замок и положил на стол.

– Даже когда я доводил себя до ручки выпивкой и наркотиками, то продолжал сочинять. – Он улыбнулся, но в его глазах не было веселья, только печаль. Я вполне разделял его грусть. – А за время реабилитации написал целую сим-

фонию. – Вымученная улыбка исчезла с его лица. – Даже если вы по какой-то причине ненавидите музыку, эта же самая причина может подтолкнуть вас к созданию великого произведения.

– Глубокая мысль, – проворчал я.

Льюис заметно приуныл. Я снова вел себя как последняя сволочь, но на этой неделе чаша моего терпения просто переполнилась. Я устал и чувствовал себя выжатым как лимон.

Мне требовалась чертова передышка.

Забавно. Не знаю, то ли из-за присутствия Льюиса, то ли по какой-то другой причине я вдруг подумал об отце: узнай он, как я тут выделяюсь, это разбило бы его сердце.

«Вежливость ничего не стоит, но приносит много, сынок. Всегда будь любезен с теми, кто хочет тебе помочь».

Вот только отца больше нет рядом, и я справлялся с его смертью единственным известным мне способом. Я снова посмотрел на часы:

– Теперь я могу идти?

Льюис сделал то же самое, вздохнул и сказал, когда я уже поднимался со стула:

– Я не пытаюсь читать вам нотации, Кромвель. Я лишь хочу, чтобы вы реализовали свой дар.

Я насмешливо отсалютовал профессору. Ну вот, еще один желающий рассказать про мой талант. Мне и так тяжело было справляться с горевшим внутри меня пламенем, а Льюис и Бонни еще подливали в этот огонь масла.

– Отец видел ваш талант, – сказал Льюис, когда я взялся за дверную ручку.

Тут меня прорвало. Я всем корпусом повернулся к нему и прошипел:

– Еще раз заговорите о моем отце, и я больше сюда не приду. Я и так уже чертовски близок к тому, чтобы свалить из этой вонючей дыры.

Льюис поднял руки:

– Ладно. Я больше не буду его упоминать. – Он встал со стула и подошел почти вплотную ко мне. Вблизи оказалось, что он очень высокий. – Но университет вы не бросите.

Я расправил плечи:

– Да ну? Что вы вообще знаете о...

– Я знаю достаточно, чтобы понять: как бы сильно вы сейчас ни злились, вы не уйдете. – Он широким взмахом руки обвел комнату. – Это ваше поле деятельности, ваша жизнь. Просто вы сейчас слишком злы и расстроены, чтобы это признать. – Профессор пожал плечами. – Вы и сами это понимаете, но пытаетесь отрицать. – Он смотрел на меня таким понимающим взглядом, что у меня едва не подкосились ноги. – Вы хороший диджей, мистер Дин. Бог свидетель, в наши дни эта работа неплохо оплачивается, и я, несомненно, еще увижу ваше имя на горящих неоновыми афишах. Но с вашим даром вы могли бы стать легендой этой сцены. – Он указал на фотографию из Альберт-холла и сел. – Полагаю, только от вас зависит, какое решение вы в итоге примете.

Мгновение я пожирал глазами снимок, где облаченный в смокинг Льюис дирижировал оркестром, который играл музыке, созданную самим Льюисом. В моей груди что-то шевельнулось, словно сорвавшийся с горы снежный ком пытался пробиться через мои стены. Моя внутренняя суть, то, что прежде заставляло меня писать музыку, процарапывало себе дорогу наружу, и сопротивляться этому желанию становилось все труднее.

– Надеюсь, вы выберете верный путь, Кромвель. Бог мне свидетель, я знаю, каково это – жить под гнетом таких сожалений. – Профессор взмахнул рукой и включил свой ноутбук. – Можете быть свободны. Мне нужно прослушать кое-какие композиции. – Он взглянул на меня поверх экрана. – С нетерпением жду, когда вы с мисс Фаррадей представите свой совместный проект. Но ждать вечно я не стану.

«Козел», – подумал я, выбегая из кабинета и хлопая дверью. Я хотел пойти налево, к главному входу, но моя голова сама собой повернулась направо, потому что оттуда раздавались звуки оркестра. Я побрел по коридору. Этим путем тоже можно выйти из здания, уговаривал я себя, останавливаясь перед дверью музыкального класса, но вместо того чтобы пойти дальше, прислонился к дверному косяку и скрестил руки на груди.

Заиграла виолончель, и я позволил своим внутренним стенам на секунду опуститься и окунулся в музыку. Меня вдруг охватил покой, какого я не испытывал последние три

года. Я стоял и слушал, как оркестр исполняет «Канон в ре мажоре» Пахельбеля. Не самое трудное произведение, да и музыканты звезд с неба не хватали, однако для меня это не имело значения. Главное, оркестр играл.

А я слушал. Пока тему вела виолончель, у меня перед глазами зажигались пурпурные и лососевые шестиугольники. Затем, когда вступили скрипки, к шестиугольникам добавились персиковые и кремовые вспышки, сиреневые и розовые брызги. Я ощущал на языке цветочный привкус и чувствовал, как грудь распирает от восторга.

Когда музыканты закончили, я открыл глаза и кое-как отлепился от стены. Дыхание прерывалось в груди. Я посмотрел налево и увидел Льюиса: профессор стоял у двери своего кабинета и смотрел на меня. Во мне сразу вскипела злость: с какой стати он за мной наблюдает? Я выбежал из здания и направился к общежитию. Едва я вошел в свою комнату, мне в нос ударил едкий запах краски.

– Дерьмо.

Я швырнул сумку на кровать.

Склонившийся над холстом Истон повернул голову и ответственно помахал кистью.

– Доброго утречка.

Я покачал головой.

– Придурок. Я англичанин, а не ирландец.

Рухнув на кровать, я почувствовал, как внутри все кипело. Подонок Льюис не шел у меня из головы. Еще мысли то

и дело перепрыгивали на Бонни Фаррадей. Как она приложила ладонь к груди... но острее всего помнилось, как она схватила меня за руку в ночь с пятницы на субботу.

Проклятье. Казалось, все подталкивает меня к срыву, и я не мог этому сопротивляться.

– А есть разница?

Я закатил глаза, прыгнул с кровати и подошел посмотреть, что рисует Истон. Картина буквально ослепляла и билась по глазам яркими цветами, напоминая полотна Джексона Поллока.

– О господи. Истон, что это за хреновина?

Истон засмеялся, отложил палитру и развел перепачканными краской руками.

– Это я! Именно так я себя чувствую в этот солнечный день. – Он подошел ближе. – Это выходные, Кром. Весь мир в нашем распоряжении!

– Громкость прикрути. – Я уставился на свой ноутбук и понял, что растерял к чертям собачьим всякое желание заниматься сейчас миксами. – Пошли, купим еды. Хочу выбраться из этого проклятого кампуса.

– Мне нравится твой стиль.

Мы вышли из общежития и зашагали по главной улице, ибо больше тут некуда было идти.

– Твоя маменька снова прислала мейл, – сказал Истон, пока мы шли к «Вуд-Нокс». Я хмуро поглядел на приятеля, и тот примирительно вскинул руки. – Ты оставил ноут откры-

тым, и он включался всякий раз, как она присылала письмо.

– Отлично, – проворчал я.

– У тебя новый отчим, а? – Я покосился на Истона. – Так было написано в теме сообщения. – Он ухмыльнулся. – У него день рождения перед самым Рождеством, и твоя мама интересуется, приедешь ли ты домой праздновать.

Я резко остановился и уставился на Истона.

– Ладно-ладно! – воскликнул тот. – Это все, что я прочел. Он подмигнул мне и улыбнулся.

Разумеется, я не собирался домой на Рождество и уж тем более не планировал отмечать днюху мамино нового муженька. Одна мысль о том, что какой-то козлина поселился в доме моего отца, приводила меня в бешенство. Лучше держаться подальше оттуда.

Мы прошли мимо парка. Повсюду были огни и народ. Я прищурился, пытаюсь определить, что происходит.

– Кажется, сегодня ночью будет концерт, – сказал Истон. Издалека донеслись звуки музыки – оркестр настраивался. – Думаю, Бонни туда пойдет. Но тебе это не интересно, верно, братан? Кому нужна вся эта классическая мутотень? – Он покачал головой. – Ума не приложу, как можно высидеть даже пятнадцать минут под это пиликанье.

Бонни. Целую неделю я ее не видел: последние несколько дней она не появлялась на занятиях. Из-за ее отсутствия я чувствовал себя очень... странно. Без нее класс казался пустым. Она мне даже эсэмэс не присылала, что уж говорить

о встречах.

И не спрашивала, все ли со мной хорошо.

Мне... мне это не нравилось.

– Он сволочь? – спросил Истон, когда мы подходили к бару.

Я поднял бровь, вопрос поставил меня в тупик. Полностью сосредоточившись на мыслях о Бонни, я потерял нить разговора.

– Твой отчим.

Мы сели на высокие стулья, бармен нам кивнул.

– Две «Короны», – попросил Истон, потом помолчал, будто раздумывая. – И две текилы, Крис.

Он повернулся ко мне, явно ожидая ответа.

– Я мало с ним общался. Никогда не рвался узнать его получше. Вообще-то я съехал из дома до того, как мама с ним познакомилась.

Истон кивнул, но по-прежнему смотрел на меня испытующим взглядом, словно силился что-то понять.

– А с мамой ты тоже не в ладах? – Он покачал головой. – Моя маменька не потерпела бы недомолвок. Она примчалась бы в наше общежитие и потребовала, чтобы я с ней откровенно поговорил. – Он рассмеялся. – Она у нас такая, ей палец в рот не клади.

– Раньше мы отлично ладили. – Я помолчал, ожидая, пока принесут напитки, а потом первым делом глотнул текилы, даже не подумав лизнуть соли и занюхать лимончиком. – А

теперь – нет.

Я терпеть не могу говорить о своей семье. Черт, да я даже думать о ней не могу.

– А что насчет твоего отца...

– Что не так с Бонни? – перебил я его, не дав закончить вопрос. При одной мысли об отце сердце начинало колотиться как сумасшедшее.

Истон, похоже, ничего не заметил, отхлебнул пива и сказал:

– Грипп. Эту неделю она жила у нас дома, чтобы мама могла за ней присмотреть. – Он рассмеялся. – Передам ей, что ты волновался.

– Не утруждайся, – рявкнул я, но натянутая пружина в груди ослабла. У Бонни просто грипп, а значит, скоро она вернется на занятия.

Истон просиял:

– По-моему, это прикольно: мой сосед по комнате и моя сестра друг друга ненавидят.

Бонни меня ненавидит? Я не осознавал, что нахмурил брови, пока Истон не сказал:

– Только не говори, что я задел твои чувства! – Он с размаху хлопнул ладонью по барной стойке. – Лопни мои глаза, мы нашли твое слабое место. Выходит, ты бесишься, если какая-то цыпочка не поддается твоим чарам.

– Вовсе нет. – Я подождал, пока Истон успокоится, и сам попытался остыть. Я не нравлюсь Бонни... – Нам приходит-

ся совместно работать на занятиях по композиции, только и всего.

Мне захотелось как можно скорее сменить тему.

– Ладно-ладно. Уже и пошутить нельзя. – Истон наклонился ко мне, положив локти на столешницу. Он наблюдал за мной. Нет, он меня изучал. – Я понял, почему вы постоянно ругаетесь.

Он помахал бармену, чтобы тот принес нам еще выпивки.

– Поделишься своими соображениями или будешь и дальше тянуть резину?

Истон ухмыльнулся и поерзал, поудобнее устраиваясь на стуле.

– Бонни всегда была очень целеустремленной. Еще когда мы пешком под стол ходили, она вечно выступала в роли организатора. Устраивала какие-то праздники, глупые игры для соседской малышни. – На мгновение взгляд у него сделался отсутствующим. – А я вечно попадал в переделки, и мне прилетало от родителей.

– И с тех пор ничего не изменилось.

– Точно. – Истон чокнулся со мной бутылкой пива и вздохнул. – Потом она влюбилась в пианино, и все. – Он щелкнул пальцами. – Она под села на это дело капитально, повсюду таскала с собой маленький синтезатор. – Он хохотнул. – Я два года страдал от головной боли, пока она наконец не научилась более-менее пристойно играть. Ну а потом она играла не переставая, тренировалась и тренировалась. –

Его улыбка померкла, и он вдруг замолчал. От этого молчания мне стало не по себе. – Бонни – хороший человек. Она моя сестра. Но для меня она значит гораздо больше. Она мой лучший друг. Черт, да она мой моральный компас, не дает окончательно сбиться с курса.

Он прикончил свое пиво и отодвинул пустую бутылку.

– Из нас двоих она лучшая. Не думай, в этом никто не сомневается. Без нее я пропаду.

Какое-то время Истон молчал, потом поглядел на меня и усмехнулся:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.